

СУСАННА АРМЕЯН

ТРЕУГОЛКА

СУСАННА АРМЕНЯН

ТРЕУГОЛКА

Спасибо за помощь в работе над книгой:
Михаилу Ляшенко, Анне Шахназаровой, Аде Джилавдаровой.

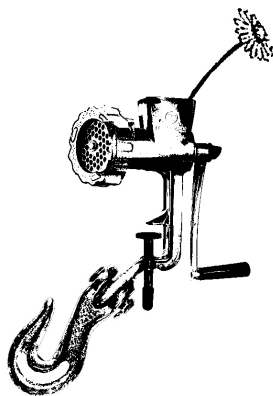
Оформление (верстка, коллажи) – С. Арменян.

© სუსანა არმენიანი
თბილისი, 2015

© Сусанна Арменян. 2015
© «ТРЕУГОЛКА». С.Арменян

ISBN 978-9941-0-8048-7

Тбилиси, 2015
Типография “Дани”

СТИХИ

*Одна звёздочка * возле названия означает стихи, которые автор в разное время с переменным успехом пела под гитару.
Три звездочки * * * не означают ничего, кроме отсутствия названия.*

БЛУЖДАЮЩИЙ СОНЕТ

Рассыпался на капли парус мой.
История раскидывает сети,
И память сохранит желанье смерти
И мести. Голос мой летит иглой.

Но вёсла приподнялись над водой,
Зализывает раны древний ветер,
Срывая парики, сгибая веер,
Ломая мачты буйной пустотой.

И вот опять шуршит по стёклам свет.
Ищу на ощупь главную из бед,
Которую сулили Одиссею.

А берег отыскался вдалеке,
И до него доплыть я не сумею,
Хоть крепко сжата карта в кулаке.

СОННАЯ*

Не заставляйте меня делать
То, что мне не хочется,
Пустите меня по миру –
Пешком или на лодочке.
Увидеть я хочу
То, что никто не догадается.
Наверное, я вылезу
На самый белый свет...

На мелодию песни Лены Квиркелия

Вот и пал Карфаген,
И разрушен маяк,
Указующий время во мгле.

Снова брызжет из вен
Вместо соли – мышьяк,
И сошлись стрелки дня на игле,
Смертоносной игле, кровеносной игле,
граммофонной игле, бесконечной игре...

Ты целуешь, как крест, рукоятку ножа.
Я прощаю тебя навсегда –

Ведь ты изгнан из мест,
Где кричат сторожа,
Сторожа по ночам города,
Гаражи, горожан, витражи, трельяжи...
Истекает вода, иссякает руда...

ГОРОД МОЙ*

Перекрестки и фонтаны,
Скверы, шпоры и мосты,
Звоны траурной охраны
И солёные цветы...

Я не вижу ночью света,
Я не помню утром звёзд.
Только поезд воет где-то
И горит на свалке холст.

Стонет раненный троллейбус,
Режет ночь собачий джаз.

Комендант решает ребус,
Несмотря на поздний час...

О мой город в горном ложе,
О Куриная вода,
Я клянусь – тебя не брошу,
Здесь останусь навсегда!

* * *

Нарушено молчание о многом.
Агония сжимает дальний голос.
Темнеет на ладони тонкий волос,
Алтарь сведённых пальцев – перед богом.
Шаги по гулкой коже отсчитаю,
Агатового с бронзой выпью чаю.

Гортань избита рифмами до сердца,
Вонзился в горы меч стального света.
Ему сверкать ещё тысячелетье,
Ловить тела желающих согреться
Его лучом. Мы – истинная часть.
Сожги нас, ты, умеющий спасать!
Игра затянется до тихого смешка,
Аркан безвольно поцелует шею...
Нарушить пенье смерти я не смею,
И ждёт удара левая щека.

* * *

Прелести горной старухи,
Дети апрелевой Спарты,
Духи бесплатного спирта,
Двери бесплотного страха.
Лица стекают по пальцам,
Кольца мерцают на лицах,

Пальцы застыли на рельсах,
Солнце считаем по кольцам.
Скажут крапленые карты,
Как нам добраться до Спарты.

АРБАЛЕТ*

Арбалет направляю вверх,
Но небес непрозрачен мех.
Древесиной огромных век
Разворочен глазной орех.
Если стрелы достигнут дна,
Им достанется голубизна.

* * *

Достошно завершаю я прогулку
По рытвинам родного переулка,
и запах кухни улица смешала
С заплесневелым воздухом подвала,
С тревогой зачумленного вокзала.
Здесь по утрам – унынье и досада.
Но, кажется, сегодня всё не так,
Ведь по асфальту ветреного сада
Бежит ко мне навстречу Ахакада
И держит что-то звонкое в руках.
Вот человек с сетями на плечах
Кивает мне из верхнего окна,
И чьей-то тенью дразнится стена.
А всадник в остроносых сапогах
Зовёт меня на битву без начала
И задает загадку за загадкой.
Я соглашаюсь. И ладонь в перчатке
Мою сжимает руку.

* * *

В зарослях прокрустовой капусты
Тают пустосмехом злые хрусты.
Я черчу иглой на стёклах звуки,
Ты поёшь обугленности-знаки.
Если в облаках тебя упустят
Розовые пасти крокодайллов, –
Брось им в ноздри веточки кораллов,
Собранные в складочках капусты.

НАВЕРНОЕ*

Наверное, все вокруг думают,
Что мы с тобой – любовники.
Наши объятия в летопись
Занесут дворовые историки.
Твоими сухими губами
Слёзы мои зацелованы,
Следы параллельно тянутся,
Но ведут в разные стороны.

МУЗА*

Я в испуге проснулась,
Острый нож – между строк.
Как же я промахнулась,
Стреляя в висок?
Бесполезная горечь
Копошится во рту.
Узкоглазая сволочь
Ставит чай на плиту...
Ах ты, старая сводня,
Прочь пошла от стола!
Говори, с кем сегодня

Я полночи спала!..
Но – молчит. И кивает.
И на хлебной доске
Пустоту нарезает
Тесаком, зажатым в руке.

ВУГЛУСКР

Зловредный бешеный Вуглускр
Печально быстр, угрюмо шустр.
Он притаился среди люстр
И сыпает снегом искр
Костры костром цветущих астр,
Ряды обугленных канистр
И барельефный алебастр.
О, сей Вуглускр – коварный монстр,
Извивен хвост, и коготь остр.
Зловонный осквернитель люстр,
Гроза моллюсков – зверь Вуглускр!

ЖЕНА*

Вздыбится поутру на холмах
Жёлтая трава-мурава
Пьяненький заморыш в штанах
Медленно пойдёт по дрова

Замурованная мурой
Замордованная жена
Помру под рыжей горой
На рожна я кому нужна

Ни тебе чтоб рожать детей
Ни тому кто дороже всех

Изберу из семи смертей
Наспех скрученный в жгут
смех

ЭКЗЕРСИС*

«Была эпоха классицизма...»

Она ушла без поцелуя,
И он проснулся без неё.
Валялось на полу бельё,
Чулоч свисал со спинки стула.

На шкафчике лежала клизма,
Бутылка, лупа и словарь.
Он посмотрел на календарь:
Была эпоха классицизма.

Он пробурчал: «Опять... эпоха!..»
Сквозь ставни пробивался свет.
И он поплёлся в туалет –
Ему с похмелья было плохо.

Она ушла без поцелуя,
Чтоб он проснулся без неё.
Собрала второпях бельё,
Забыв чулок на спинке стула.

Выдумывая афоризмы
И на ходу надев пальто,
Она вдруг осознала, ч т о
Была эпоха классицизма,

И вот, сочтя себя счастливой,
Пошла в метро. Он целый час
Глядел уныло в унитаз
И глухо бредил: «Пива, пива!..»

ЛУНКА/ПИСЬМО*

Только белая лунка вылезит на ноготь
Только плоское солнце на розовом камне
Только я скovyрну с потолочного неба
Голые провода
Облака облапошены яблоком Блока
Ваша правда была соразмерно жестока
И опять простирается с правого бока
Старый дурак орёл
Только швы разошлись штукатурка обвисла
Только ветер обводит стальные колени
Только кто-то – в трубу – застревает плечами
В небе издох орёл...

Письмо задержалось и песенка спета
Весна умыкнула степенное лето
Мои рукавицы из рыбьего смеха
В ладони прореха
Терпению крышка и радость не в радость
Похож на четверг затянувшийся август
Будильник стремится неусыпное око
Конечно к востоку
Молчит телефон я не строю иллюзий
Какими смешными мне кажутся люди
Поверю опять и опять опоздаю
Я всё это знаю

НАКЛОН*

Левые берега как ртуть
Правые берега – наклон
Сорванные с небес снега
Содранные с корней дожди
Выведи на меня собак

Выбери для меня мешок
С левого берега я смотрю
К правому берегу ты плывешь

ВРЕМЕНА ЛЕТ*

Языки лет, заплаты зим
Чертит на небе еловый дым
Нежным концом стрелы.
Юркий зверь в потайных местах
Чует в воздухе талый страх,
Елейный вкус пастилы.
Брось спасаться, гляди назад.
Ясный взгляд – задержи листопад
К земле приложи лицо.
Дыры листьев латает зима,
Берет займы, отдает задарма,
Возвращает кошку песцом.
Ветер косит высокий дождь,
Небо вбивает последний гвоздь
В пуповину земли.
То ли осень, то ли весна,
Сырые ставни и желтизна
На стену тенью легли
Языки лет, заплаты зим.

* * *

Лене Квиркелия и Диме Гагуа

Легко мне, ей-ей, подниматься на серую кручу.
Естественен рай, опекаемый дружной бригадой.
На небе моем обрисованы ветреной тушью
Алмазные ангелы с крыльями из стекловаты.

Давайте прицелимся в них из фамильной рогатки
И с неба на землю собьём их прозрачные тушки.
Медовые краски заката – мечта психопатки.
А я обожаю потягивать пиво из кружки.

ВЕТРЕВО*

Ветрево, ветрево,
Воедиво, воедиво, воедиво.
Было двое, стал один,
Выспался, умылся.
На руке кольцо,
на кольце пыльца.

Стало мне скучно,
Стала я плакать,
Собирала ветрево,
Заплетала воедиво, воедиво.

Были вместе – стали врозь,
Выстрогали палки,
вырастили ёлки.
Пели двое – вкривь и вкось.
Не спасти ни одному.
Ветрево-ветрево.
На руке кольцо, и вода с лица.
Воедиво, воедиво, воедиво.

* * *

А сегодня пошли поезда,
Самолеты стали летать.
Значит, в небе будет звезда:
В эту ночь нам уже не спать!
Можно в гости к друзьям спешить

И стучать в закрытую дверь.
И, влезая в окно, находить
Еще тёплую – их постель...
А сегодня работает связь,
И известны границы столиц.
Знаешь, звери ложатся в грязь,
Если звёзды падают ниц.
Знаешь, голод продлится год,
Если голос пророчит мир.
Ах! Заношен до дыр мундир.
Ах! Заигран до ран аккорд.
Кто-то умер: навек и весь,
А кого-то будильник спас...
Если место для жизни здесь,
Значит, спрашивать будут – с нас.
Убегают в смертельный рейс
Поезда по обрывкам рельс.
Словно ленты, свивается сталь
В историческую спираль.
И изгибов её кривизна
Будет вычислена по весне.
Дай нам бог из этого сна
Не выйти опять к войне.

ОНГЛ-2*

Граница для вина – стена.
И тени на стене.
Сегодня снова не до сна –
Не мне, увы, не мне!

Я ночь гоню под зад ногой,
И звёзды, оробев,
Меняют масть. Но – за игрой,
Как лев, томится блеф.
Расстрелян в тире злой сатир,

Доверившийся мне.
Протёрт до дыр нежнейший сыр,
Распятый на окне.

Вдали от облачной Земли,
Сквозь звёзды на стене
Об этом видел сон Дали,
 летевший в простыне...

КРАСНАЯ ЛУНА*

На плечах – золотая змея и плащ,
В руках – пистолет.
Или меч.
Или мяч...
В глазах видно небо с красной луной.
Он выигрывал войны – одну за другой.
Незадолго до смерти он видел сны
О том, как вернётся домой с войны.
Но что поделаешь с красной луной?
Ведь она его с детства кормила войной!
Он не может уйти, он спускает курок,
И – такой же , как он, – пошатнулся и лёг.
А на белом плаще, как пятно от вина,
Расплывается тихо и быстро
Эта луна.

ИРИСОВЫЙ И ЗОЛОТОЙ*

Стаканами с тёмной водой
Жонглирует пьяная ведьма,
И тенью забрызганы окна
Ирисовой и золотой.

От ветра я стала седой.
Пора возвращаться обратно.

Да будет другим неповадно
Смеяться над смертной игрой.

Порывистой чёрной весной
Ислёстано небо как плетью,
И окна завешены сетью –
Ирисовой и золотой.

От меди я стала святой,
Пора опускаться на ветви
Росой – безнадёжной, последней,
Бесплодной, безумной, пустой.

Но кто-нибудь брызнет водой
В горящие жёлтые окна,
И стану я снова свободной,
Ирисовой и золотой.

НЕ ЗАМЕЧУ*

Пьяными губами отмеряя промежутки
Сальными слезами усыпляя тараканов
Голыми ветвями убегая по карнизу
Медленной собакой зарываясь в листопады
Скомканными льдами запирая двери-окна

Я не замечу тебя.

ЖЕСТЬ*

Женщины чинят часы
Белыми пальцами рук.
Тик-так. Так? Стук.
Звук замыкается в круг.

Я вспоминаю войну,
Я приближаюсь к окну.
Вот. Там. Свет. Ну?
Бред – бритвой по сну.

Не знаю, то ли я сплю,
То ли кого-то люблю.
Злюсь, бьюсь, но – пью
То, что в чашку налью.

Только бы – не пролить,
Только бы – не успеть.
Прыгнуть? Да. Напоследок – спеть.
Но – на окно натянута сеть.

Здесь – нет. Там – есть
Место, где плавится жечь.

СОВЕТ*

Кто этот рыцарь
в латах?
Латы в заплатках, лицо в свинце,
три года войны – на лице.
Медленно сел
на камень.
На зубах скрипит тмин.
Он один
остался так сентиментален.

Кто эта дева?
Подошла,
села по левую руку.
Скука.
На белом лице – тень. Это
пролетела птица.

«Не сиди на камнях!» –
 кричит она дева
 с небес. – «Простудишься, дева,
 простудишься! Встань – и иди!»

ЧТОБЫ КТО-ТО*

Я не стою того, чтобы кто-то меня
 Вспоминал поутру или видел во сне,
 Или ручкой писал на кухонной стене
 Мое имя и дату, когда я ушла.
 И дышал в остывающий чай.

Я не стою того, чтобы кто-то ко мне
 Приходил, чтобы спеть то, что душит и жжёт,
 То, что верит и ждёт... Или пепел в окно,
 Или тень на полу – обязательно лгут.
 И солгут мне ещё и ещё!

* * *

Суп с котом – собачья радость.
Герман за полночь явился,
Постучался – застрелился
На пороге новой эры.
Мышка пела в мышеловке,
Кошка выла в кофеварке,
Пушка выстрелила мимо,
Сфинксу морду разнесло.
Ты не плюй в мою бутылку –
Пригодится похмелиться.
Все похмельные блаженны,
Ибо жаждут.

СПАСИБО*

1

Я радостно целюсь в мишень паутины
Вокруг моей жизни пасутся кретины
Козлы забредают в мои огороды
Козлихи азартно тасуют колоды
Я вижу я слышу я нюхаю гадость
Спасибо БГ за нежданную радость
Спасибо правительству за безвременье
Спасибо арабам за сахар в варенье
Спасибо спасибо спасибо спасибо
Я вижу как в небо взвивается рыба
И я убиваю домашних животных
Голодных солдат продавцов подколодных
Я вижу я слышу я чувствую голос
Вонючий как перец красивый как волос
Я целюсь в тугую мишень паутины
И чашки заполнены до половины
Спасибо тупые Спасибо вонючки

Я вас разбиваю на равные кучки
Я вижу я слышу я чувствую: пусто
Всё пусто. Всё пусто. Всё пусто.
До хруста.

2

Когда-то я вверх поднималась на лифте
И видела прелесть в бессмысленном флирте
И делала вид и предвидела тело
Которое пело но жить не умело
Но что-то упало на рваную крышу
С тех пор я не вижу не знаю не слышу
С тех пор я умею скучаю завишу
Смотрю в потолок как в небесную нишу
Хожу по доске ухожу по асфальту
На проводе делаю дикое сальто
Смеюсь ошибаюсь лежу на графите
А лифты срываются. Остановите!
А лифты вскрываются. Сделайте милость
И малость – за шалость и смелость пролилась
Дождём или чаем. Дорогой на север
Сгорает в ладони безветренный веер
Скрывается крик в оборвавшемся лифте
Пустите! Пустите! Пойдите! Простите...

РЕШЕТО*

На небе высокое решето
В голову ударила красота
Принесу бессмертие на хвосте
Разложу заветное на листы
Собранные загодя в кулаке
Связанные травами на века
Весело разбитые на куски
По стеклянной лестнице босиком

СИНЕЕ УТРО*

То ли ветер гремит крышей,
То ли звёзды устали падать.
Мой любимый медленно дышит,
А мне хочется тихо плакать.

Будет каждый обряд кстати,
Будет каждый кивок верен.
Но на сердце нету печати,
Не горит на руке перстень.

Не могу уловить смысла,
Не могу поступить мудро
И гляжу, как в окне быстро
Вырастает синее утро.

ЖОНГЛЕРЫ*

И останется только
лежать на траве
и лежать налегке
на песке
на цементных бусах
на рваном мешке
на совке
на руке
иголки
горячих укусов
комариных индусов
и с портфелем под мышкой
(в котором трава
голова
в кулаке
слова

полезные книжки
железные шишки).
Кричать – харе Кришна!
Читать своё
из Байрона, Маркса
и Екклесиаста
(трав
голова
в кулаке
слова).

И город узнает тебя
через пятый восход.

Ты окажешься тот,
Кто не знает забот.
Через год
станешь плотью.
Проклятый восход
ускользнёт...
Со среды на субботу
приведёшь с собой ту,
что несёт в голове,
как в дырявом мешке,
свои камешки сна
и лежит на траве,
как стена,
как спина,
как война
(в кулаке – слова, айва и трава).

И снова узнают тебя друзья,
И они закричат – харе!!!

Пусть я
не очень задену струну,
всю в болячках и стоне.

Им останется только
лежать и кричать
и цитировать книжки,
в которых слова,
и угадывать,
где
за Курюю – Нева,
и любить наобум,
умирать наотрез

(и останется только
трава и слова,
в кулаке голова,
на асфальте сова,
на цементных бусах,
на рваном мешке,
на руке иголки...)

И снова узнают
и будут любить
непонятные линии
рук и лица,
зажигая спички
из Череповца.
И опять подоконник
ласкает ладонь
подоконника.
В окна
влетают стихи,
для которых (слова –
это только трава –
в кулаке,
на лице,
для тебя).
И останется только
гореть и смотреть,
узнавая в лицо

свою смерть.
И не сметь
отказаться лежать
на дырявом мешке,
на руке,
на песке,
на седом волоске,
на куске весла,
на кольце струны.

(В зеркале – правое
с левой стороны).
Отыскалась пара ей –
той, что следит
за травой
и глядит, и бредит луной
в кулаке.
Перед нею
качается на волоске
тот же самый восход
узнаваний и встреч.
И заплачет:
ах вот,
что мешало реке
раствориться
в песке!..
И рукою взмахнет
и запустит луной
(что была в кулаке,
где
трава и слова),
и луна полетит,
распрямив коготки.
И опустится
медленно-медленно
в зелень реки.

СОК КРЫЛЬЕВ

Безмерная птица
Вонзилась в висок.
Высокое небо
Готовит бросок.
Солдат к пулемёту
Прикован весной.
Испачканный в небе
Платок носовой
Прижат к его ране.
В нагрудном кармане,
Пластмассовый, хрупкий,
Лежит гребешок.
И ещё –
на тонкой бумаге
неровными буквами
глупый стишок.

ДОМЕННЫЕ ПТИЦЫ*

Доменные птицы
осквернили рассвет,
Северные дети
укусили собак.
Пойманные люди
отошли набекрень,
Голые сирены
усыпили солдат.

Я тебя люблю,
а ты меня – ещё нет.
Всё, что мне покажется,
будет не так.

Всё, что мне захочется –
поделят на семь.
Я тебя люблю,
ты в этом не виноват.

СТЕКЛО*

Все радости – по смелости,
Все челюсти – по полочкам,
По блюдечку – каёмочкой,
По белу свету – со свечой.

Я выживу – я мягкая,
Я родилась в рубашке, я
Везучая, я смелая.
А ты, наверное, крепче, чем стекло...

ГИТАРА*

Гитара на диване лежит.
Что петь, что делать, что быть...
Гитара на диване лежит,
Что петь, что делать, что быть...

Гитара на диване –
Жёлтая плаха,
деревянная птица.

Весело, весело
С ума сошли,
К водопаду пошли,
Ветки зажгли,
Плавать начали -
Ночами плечами.

Жёлтая плаха,
деревянная птица.
Жёлтая плаха,
деревянная птица.

ОБОРОТ*

Голова, зажата в чужом кулаке,
Слышит пение сладких птиц.
Об моё отворённое наспех лицо
Разбиваются коконы лиц.
Разлетаются.

Походное небо похоже на солнце.
Зачем голова плечам?
Пальто сгорело на имя имён,
На вино и на воду и на чай.
Зачем голова плечам?

Станет легче – сдохнешь, залезешь в мешок,
Обернёшься стрелой ядовитой
Или лучшим моим другом Фомой,
Или подругой моей Маргаритой
обернёшься...

МОРЕ ХОЛОДА

Засушена книга цветка.
Бабочка ветра,
Два синих окна за стеклом
Стакана.
Два фонтана,
Два фонаря,
две аптеки,
Угол двух улиц,
вечерний снег.
Утренний голос
Радио.
Две тарелки
В раковине вины.
Море шумит
Из водопроводного крана,
Дышит в ладони
Засушенный ветер,
Ветер, засушенный в книге.
Синий фонтан стекла.
«Сусанна» –
какое странное слово!
Мне никогда не будет
шестьдесят четыре.

ДИРИЖАБЛИ*

Запускала руки в волосы
С миру по иголке с ниточкой
С неба по косому дождику
Дирижабли поплыли

Листопадом завалило
К сентябрю из подворотни

Занесло и потащило
Только взвыли тормоза

Только дождик лимонадный
Ко мне в ротик бормашинкой
Попадёт и не вернётся
Зазевавшийся зевок

При неясном свете солнца
Ускользнут следы трамвая
Я пущу тебя как прежде
На пороге посидеть

* * *

Я выпила сон из липкого сердца сот.
Заплакала в ствол... Ветер гудел, как кедр.
Предсказывал сотню бед неласковый кот:
Увижу миндаль
 про подвиг разведчика недр.
Услышу ковёр
 под сломанной влагой рук.
Стряхну со лба
 молоко везучих подруг...
Не верила глупой сказке из вечных уст.
Уснула в дупле... Вечер мерцал, как куст.

БЕСПОКОЙСТВО*

Целый вечер
Ветер
Дул.
Суп остыл,
Сломался
Стул.

Вечер умер.
Ветер
Стих.
В спину шилом
Впился
Стих,

Строчкой
 рваной...

С пальцев
Капает вино.
Утром
Я увижу дно

Строчкой
 рваной...

Рифмой бьётся
Дикий пульс.
И во рту
Кровавый вкус.
Звёзды спрятались
В окно.
С пальцев капает
Вино

Строчкой
 рваной...

В жилы
Лезет
Новый стих.
Муза, ты? -
Удар под дых
Строчкой
 рваной.

ДВОЕ И ТРОЕ*

За чашечкой опиумного настоя
В креслах-качалках послушаем Цоя,
Если б не кресла, то слушали б стоя
Грустные песенки Виктора Цоя.

Нас постоянно то двое, то трое,
Не шевелимся и слушаем Цоя.
Чудится нам то одно, то другое,
Стелется дым барабанного боя.

Город-герой, легендарная Троя
Гибнет в волнах деревянного боя.
Снова нас двое. А вот уже трое.
Слушаем песенки из мезозоя.

С чашечкой чая, с книжечкой Цоя,
В самый разгар феодального строя...
Если б не кресла, то слушали б стоя,
Как рассыпается бисером Троя.

БОЛОТНЫЙ ОГОНЁК*

Завязла в зеркале по локоть
Скрипит в углу оленья кость
Кивает светлой головой гость
Мне снова это удалось

Я вижу ветренное слово
В глазах БГ сверкает грусть
Моя священная корова
Завязла в олове по грудь

Слово за слово, слово за слово,
Вино в голове...

Укрыта муха паутиной
Татуировок на стене
Прощай-прощай, пингвин на льдине,
Я снова падаю во сне

Слово за слово, слово за слово,
Вино в голове...

Сегодня влажность выше нормы
Продавлен небом потолок
Попал в дыхательное горло
Случайный красный уголёк.

Я вижу ветренное слово
На препарированном дне
Ты знаешь, друг, как мне хреново,
Но ртуть откроется в вине.

Слово за слово, слово за слово,
Вино в голове...

Ползёт по краю неба боинг
Он ищет свой аэродром
Убийца плачет как ребёнок
Скользя по кафелю бедром

Увязло небо по колени
Скрипит в углу потухший глаз
*Ушли из города олени –
И не предупредили нас.*

ХАРЕ, ХАРРИСОН*

Дождливый Джордж,
Держать крыло над грифом!
Дождём не удивить его.

Струится дрожь...
Ах, харе, харе, Харрисон!
Спит твой дождь,
 спит твой дождь.

Спит твой дождь.
Стучит по плечу окна крылом
Уже другой,
 еще не уснувший стоя как лошадь.

Маячит за талым стеклом
Кирпичное тело дома напротив,
Чужой стены спина.

Игру испортив,
 спит твой дождь.

Небо размыто, как злость
На детском рисунке.
Там, где луна от удара
 катится к лунке,
Запутавшись в струнках,
Спит твой дождь.

Дождливый Джордж,
Держать крыло над грифом,
Держать крыло...

Ах, харе, харе, Харрисон!
Спит – твой – дождь.

ПЕСНЯ ДЛЯ БАШЛАЧЁВА*

Разговор иссяк, бутылка пуста,
Рассыпались календари.
Вчерашний ветер поёт с листа
Для тех, кто живёт внутри.

Но нам не страшен таинственный волк,
Скользящий над мостовой.
Луна разрезана на десять долек.
Выбирай – любой кусок твой.

Потом пробьем ладонью окно.
Упадёт дождь из стеклянных бус.
Тогда останется только одно,
Чего я ещё не боюсь.

Я понимаю, ты должен идти,
Тебе нельзя ждать до утра.
Отблеск дрожит на твоей груди –
Будто бы от костра.

Но нам не страшен таинственный волк,
Скользящий над мостовой.
Луна разрезана на десять долек.
Выбирай – любой кусок твой.

И не тревожься, дорогой,
Положись на мой слух.
Я разбужу тебя до того,
Как пропоёт петух.

И не надо, не смотри на окно –
Снаружи ничего нет.
Просто февральское вино
Лакают языки лет.

И нам не слышен таинственный волк,
Выслеживающий луну.
Вчерашний ветер был слаб и горек,
Когда прикасался к окну.

Вчерашний холод оставил следы
На твоих губах:
Отраву вина, отраду воды,
Ошибку
 в календарях.

ЗООПАРК*

Урчит медведь, вгрызаясь в лапу,
Неслышно накренился лось,
Взлетает гарпия по трапу:
Нашло-приснилось-унеслось,
Нашло-приснилось-унеслось...

Замешкаюсь. Не верят взгляду,
Ведь между нами – семь оград.
Тигр молча просит: «Яду, яду!» –
Ну где тебе найду я яд?..

СЕАНС*

Вечер лижет кости,
скулит лимон луны.
Все часы в этом доме
Указывают на полночь.
Все цветы на стенах,
Все шнуры в рукавах.
Он бессилен, и потому

любит белый цвет.
Рассерженные требуют денег назад
и тоже идут домой.
Я стану спорить:
я верю, что солнце – соль.
Это я придумала,
что в небе плавают горы.

ТУПИК*

Офелия распустила волосы.
 Дездемона думает, как назвать сына,
 который родится в июле.
 Гамлет кусает ногти и шепчет:
 «УЛИСС ОТЕЦ СКУЧАЮ ЖДУ ТЧК»
 Он в то же время стоит у окна
 и чувствует запах разрезанного
 апельсина –
 Это по улице узкой проносят цветы...
 Всех расталкивает Отелло,
 бегущий один сквозь толпу.
 Он пьян, и глаза у него пусты
 от счастья. Он так любит весну.
 А Гамлет свешивается
 с высоты
 окна. Подоконник буравит живот.
 Джульетта примеряет кольца в доме напротив.
 Золотая тесьма на мраморном лбу.
 Гамлет видит её – и летит в толпу.
 Запоздало раздаётся девичий вскрик.
 Сколькие пролетают этот тупик –
 из окна до асфальта.
 Сквозь земную кору не пробиться,
 но знаете, это так славно:
 к ядру – напрямик!

АТРОФИЯ*

Написать стихи про голос
 Про замеченный автобус
 И упущенный из рук
 Золотой зрачок дракона
 Бисер Джима Моррисона
 Вмиг упущенный из рук

Написать стихи про силу
 Что земля дает кизилу
 Про упавший на глаза
 Ветер крыльев Моррисона
 Тонкий след хвоста дракона
 Так упавший на глаза

ОРЕХ*

Ты становишься злее от слёз и забот,
 Задыхаясь в пурге январей и суббот.
 Золотая лоза, хитроумный орех.
 Да, любовь – это боль, ну, а смерть – это смех.

Золотая лоза, хитроумный орех.
 И природа мудрей всех эфирных помех.
 Что ни скажешь – получится наоборот...
 Сколько на небе звёзд? Десять тысяч пятьсот.

Что ни скажешь, получится наоборот,
 Негодяйка вернётся, подруга уйдёт.
 Золотая лоза, хитроумный орех.
 Что ни скажешь, получится так, как у всех.

Но природа мудрее эфирных помех.
 Зацветает лоза, прорастает орех.
 Умирает декабрь, рождается год.
 И лоснится украшенный розами торт.

ИНСЕКТИЦИД*

Суровая нитка
Сиамского мая,
И почта промозглая,
Глухонемая.

Сирень на ступеньках
Вонючей подземки
И мальчик с гитарой,
Зажатый у стенки.

Сегодня никто.
Только завтра – придётся.
Шершавая кошка,
Как ветошь, протрётся

Насквозь. Вылетают
Из дырок мышата.
В ладони снежинка
Сирени зажата.

Я знаю, как пахнет
Чужая квартира –
Смесь запахов мыла,
Постели и жира.

Вчера никого,
Только май. И к ладони
Суровой иглой
Пришпиленный пони.

ОЛОФЕРН*

На постели, в грязных сапогах,
Олоферн подвыпивший валялся.

Был могуч плечей его размах,
Каждый бицепс потно выбугрялся.

Он храпел, причмокивал губами,
И зрачки под веками метались.
Снились ему клетки с голубями,
Внуки, обеспеченная старость.

Он был опрометчиво беспечен,
И Юдифь, его застигнув сонным,
Отхватила голову по плечи
Маленьким топориком кухонным.

ГУАШЬ*

Я брошу акварель и снова возьмусь за гуашь,
Или спою песню – но это минутная блажь.
Зачем мне песня? Лучше возьмусь за гуашь.
Всё равно всё те же слова
На тот же мотив. Все его знают.

Я привыкаю делать одно за другим.
Иногда – можно обходиться только одним.
Иногда – одним только другим.
Всё равно всё те же слова
На тот же мотив. Все его знают.

Я брошу акварель и снова возьмусь за гуашь,
Или спою песню – но это минутная блажь.
Зачем мне песня? Лучше возьмусь за гуашь.
Все равно всё тот же мотив
И те же слова
И те же причины.

ВЕРОНИКА*

По скалам, вырубленным в ступеньках
Многоэтажного дома
Вновь взбегает рыцарь
Пришедший издалека
Он смотрит вместе с тобой в окно
Как в небе плывут высоко
Странные облака
С птичьими голосами

Он слушает эхо грома
Дразня его погремушкой
В этот момент ему
Дышать так легко
Стен незаметен наклон
И самый опасный дракон
Сверху кажется
Мягкой игрушкой

Забрало поднято
Улыбается рыцарь
В руке не дрожит
Оперённая пика
И он думает – сказать или нет
Это опасное слово
Спрятанное под подушкой –
«Вероника».

МСЬЕ КОНТОРЕР*

Чайник
с подбитым крылом
Бьётся в моё окно –
Не зная,
что этот дом
Предназначен
на слом...
Но
дело, конечно, в другом.

Руки любимого друга в золе...
Нет, это предутренный иней.
Песни его с каждым годом
Все злей и невинней.

Он их напишет потом.

А пока – пустота
пожирает поверхность листа.
Я не люблю быть бумажным листом.

Но признайтесь, мсье Конторер,
Эти белые ставни давно

Пора порубить топором

В ноябре
На пепельно-алой заре
Не пряча лица
Не снимая с пальца кольца
Не жалея уже ни о чём.

И сложить во дворе:
На синей зелёной траве.

СОН ДЖА*

Прекрасной звездой к веслу пригвождён
Солдат, уронивший из рук своих пику.
Опять его взяли, как землянику
На кончик ножа,
Для того, чтобы он
Не будил во мне джа.
Ты тоже достойна среди множества жён,
Скрывая биенье сердец, как улику,
Причисленной быть к предрассветному лику.
А в небе кружа,
Осторожный снижается сон,
Зажав в когтях мое джа.

ЛАБИРИНТ*

Она ушла, а он пришёл
И породнился с Интернетом,
Без стука, боком, в лифт вошёл
И лег засаленным валетом.

Ему смущённо снился сон,
И ей на лестницах вздремнулось.
Прошёл маляр, сказал: «Пардон!» –
Она кивнула и проснулась.

Они входили в лабиринт,
Теряясь в театральной ложе.
Он забредал в случайный лифт
И лез из лягушачьей кожи.

Он выходил и исчезал,
Она летела и смотрела.
И он почти её узнал...
Но лампочка – перегорела.

Они вошли – и разошлись.
И каждый шёл по одиночке.
Он возносился к высшей точке.
Она – пыталась обойтись.

Они спалили лабиринт,
Она беспечно оглянулась.
На полпути ему моргнулось –
И с визгом оборвался лифт.

АБУЛИЯ

Крамола карамели,
мел молока,
молоко мели.
Ласкают
небо
корабли.
Сливки постели
Взмыли в облака.
Валится набок река.
Корабли в мыле.
Лакают из миски земли
корабли.

РУКИ ПРОЧЬ

Стихи, застревающие в мозгу и
не пускающие другие полезные мысли наружу.
Остывающие в тарелке, жирные и мёртвые. Наружу.
Оседают пылью на гитарный гриф.
Дзин-н-нь...
Выскальзывающие в окно жестокими –
сделавшими свое дело – осами.
Задремавшие в креслах,

Падающие в креслах,
Падающие неслышным снегом на звёзды.
Замирающие у самых губ – и обратно.
Ведущие по коридорам мимо запретных поворотов.
Догорающие в пепельнице,
Мудрые и злые, как собаки.
Забытые на перилах паспортного бюро,
Предугадывающие каждое твое слово
наизнанку,
Пожирающие тебя изнутри наружу.
Глядящие беспощадно и пронзительно вкось наискосок.
По вкусу (накося выкуси!) напоминающие дохлую вату.
Запахом – приблизительно, как закат.
Звоном – заполняющие кулак.
Громом поражающие молнию.
Стихи, вас никогда не застанешь врасплох!

* * *

Зачаточный пульс.
Плюс одноклеточный вкус.
Звенит в волосах.
Ах – фасеточный глаз умоляет о вечности.
Происходят, сгорая в своей быстротечности,
Тайные бдения.
Фасеточный глаз доплывает до вечности.
Заплечные крылья,
разрыв в волосах.
Повиновение, размножение мления,
Окостенение зависания,
опасение дуновения.
При слабых словах,
при зажмуренных крепко весах.
Денно и ночью – гудение.
Завершение.
Пиковый пояс беспечности.
Омовение.
Ампутация бесконечности.

ДОМ В ТЕНИ ОДУВАНЧИКА*

Дом в тени одуванчика
Окутан тёплой росой
У других домов кишка тонка
Заполнить людей собой
Они позволяют людям
Заполнить дома людьми
А дом в тени одуванчика
Заполняет таких как мы

Тень одуванчика вырастай
Затми щеколду и порог
Ложись на заваренный в банке чай
На струны и между строк
Не все замечают спокойный дом
Забор на ходу задевая плечом
Тень одуванчика нас хранит
Калитка тут ни при чём

Дом в тени одуванчика
Заполняет тебя собой
Времени предостаточно
Натыкаясь на стрелки, оно даёт сбой
Засни в тени одуванчика
Вдохнув в себя дом и сад
А если по рельсам поезд пройдёт –
запомни направление звука
в ту сторону будет дорога назад

РЫБЬЯ НОЧЬ В ТРАНСФОРМАТОРНОЙ ДЫРЕ

Проснёшься ночью – щёлкают часы.
Поёт на крыше ветреная кошка.
Ей тоже снится сон. Почти такой же.
Забудь. Засни, чтоб не заметить, как

Светлеет в комнате. Как умирает ночь.
Засни. Забудь, что кошка и будильник,
Прислушиваясь к комнатной весне,
Пугаются лишь твоего дыхания.
Нет больше ничего. Забудь. Засни
И постарайся снов уже не видеть.

А КАК МЫ ВЧЕРА*

А как мы вчера веселились
и били стаканы,
И делали вид, что веселью
конца не наступит,
Смеялись, кричали
и делали глупые лица,
Когда кто-то напоминал
о часах и рассвете.

Пропели, сожгли до огарков
и свечи, и юмор,
Свели к знаменателю
великолепный числитель,
Сменили давно обветшавшие
флаги на башнях
И сделали вид, что предвиденье
нам недоступно.

Туман собирается
в кубе прокуренной кухни,
И в долгой тени затаившись,
урчит холодильник.
А как мы вчера веселились
и корчили рожи,
И делали вид, что боимся
друг друга обидеть...

ТРЕУГОЛКА – И ЕЁ ГОЛУБАЯ ТЕНЬ*

Чтобы прилила кровь к голове,
Встань на руки,
Чтобы прилила кровь к голове.
Прижмись спиной
К стенке лифта,
Исправь осанку,
Прижмись спиной.
Голова трещит от мелкого шрифта.
В газету завёрнут домик с трубой.
Боюсь, что я делаюсь снова другой.
Поэтому просьба:
Сними треуголку,
Забрось не глядя
На верхнюю полку,
Куртку – на гвоздик,
Обернись лицом к волку –
и встань на руки.
Чтобы прилила кровь к голове,
Встань на руки.
Чтобы прилила кровь к голове...
На одну рассчитывал – получил две,
Прыгал в Куру, утонул – в Неве.
В газету завёрнут домик с трубой...
Боюсь, что я делаюсь снова другой.
Встань на руки.

БЕЛАЯ БУКВА*

Дай мне белую букву, дай мне белую букву, дай...
Я хочу удивляться и удивлять
Я хочу подниматься и поднимать
Я хочу доверяться и доверять
Дай мне белую букву, дай мне белую букву, дай...

Я была способна вернуться,
И даже была способна вернуть,
Но кто-то выпил вино из стакана,
Вживлённого в мою грудь.
Кто-то сделал музыку тише
И выбросил сердце в окно.
Так дай скорее белую букву,
А то я снова залягу на дно...
Дай мне белую букву, дай мне белую букву, дай....

Фигуры этого танца, бывало,
Учила я наизусть.
Мне нравится возвращаться,
Так будь готов, что я и к тебе вернусь.
Я сделаю музыку громче,
Стараясь не уронить.
Налей в стаканы белую букву,
Мы ляжем на дно и начнем её пить.

* * *

Всё,
сознание мое расширяется!
Осознание расширения
Высосано из пальца.
Голые звенья цепи событий
Сбиваются с лязга на скрежет.
Щас ка-а-ак расширится мое сознание
И ка-а-ак врежет!..

САНИТАРЫ

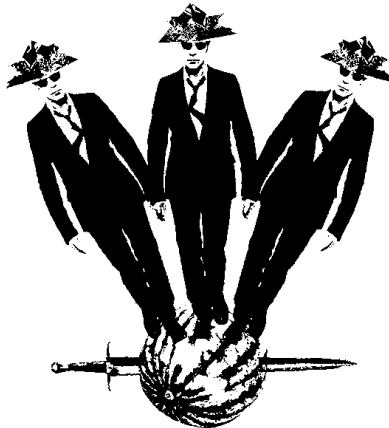
На бледных страницах,
В прохладных ладонях
Ещё не просохли ночные кошмары,

А в городе сонном, хватаясь за стены,
Уже поражённые шли санитары.

Хватай кофеварку, пакуй мясорубку,
На дно чемодана клади пистолеты.
Идут санитары, превратно толкуя
Знаменья, случайности, сны и приметы.

А может, успеем – на крышу и выше –
Спасти от невнятных и неотвратимых.
Ведь были же – помнишь? – у нас дельтапланы.
Вот только б найти их, вот только б найти их...

Сверкая бесстыдно, вылазило солнце,
Гудели на бронзовых вышках радары.
Из окон глядели притихшие твари.
И шли санитары, и шли санитары...

ЧЕГО ЖЕ ТЕБЕ ЕЩЁ*

Пропал дневной свет.
 Пора зажигать мой огонь.
 Пришло время
 Молиться на магнитофон.

На гитаре струны, а в руке бубен –
 Чего же тебе ещё?
 На заборе кто-то написал три руны –
 Чего же тебе ещё?
 Через мосты и таможни
 К нам уже спешат гунны...
 Чего же тебе ещё?

А впереди есть полночи -
 Чего же тебе ещё?
 Поставь кассету. Нет, лучше вот эту –
 От твой твой разум ещё не совсем защищён.

И, может быть, за полночи
 Мы срастёмся в семейство.
 Чего же тебе ещё?
 Нам по нраву пришёлся
 Этот вид лицедейства –
 Чего же тебе ещё?

УЛИСС*

Смотреть всё равно куда – вверх или вниз
 Стоит на углу перелётный Улисс

Смотреть всё равно куда – вверх или вниз
 Стоит на углу перелётный Улисс
 Странник по странному городу с кличкой Тифлис

Планета плана, плантация грез,
Придумай ответ на послание SOS –
За каждым ответом с упорством маньяка
крадется вопрос

На груди у Улисса – Защитный Экран.
Он в гитарный футляр уложил дельтаплан.
На груди у Улисса – Защитный Экран.
Он в гитарный футляр уложил дельтаплан.
И в нагрудном кармане его есть особый
секретный карман.

Идти всё равно куда – вверх или вниз.
Полночные улочки, спящий Тифлис...
Иди, куда шёл, но потом возвращайся
Иди куда шёл, но потом возвращайся,
дружище по кличке Улисс.

Идти всё равно куда - вверх или вниз...
Бросать... Смотреть... Лететь...

УХОДИ! – И УХОДИТ

Древние подорожники – тихих собачьих переулков –
флаги и теплицы – демаркационные линии –
солончаки –
Сердцебиение. Искушение булкой.
Коллекционерка – революций –
Эволюция до-Дарвина. Он. Она. А-а-а...
Озеро Зеро – и – другие необходимые ориентиры.
Комнатные Растения и Материковые Льды.
Знак путеводной воды.
Древесная слава. Песня устава. Итог на табло.
Дупло. Древесина.
Кричит.
«Уходи!..» – и уходит.
В шкафу – в дупле – Земля /небо/луна/окно.
Сердцевина вина.
Пси́на. Пьеса для клавесина и – переулок.
Ибн Сина,
стена, прогулка
с яблоком красным в кармане.
Всё насмарку.
Яблоко – выбрось на свалку.
Помянешь собаку – бери в руки палку.
Помянешь волка – кричи:
«Уходи!» –
И уходит.
Меня в заблужденье
тобою единственным
вводит
усатая пси́на в тени клавесина горит древесина
и тлеет в дупле
огонёк-горбунок.
«Не сердись на пенёк!..»
Дупло...
Древесина...

В тени клавесина...
«Кури, дружок – я губы обжѐг»
Горит сердцевина лица.
Доверху
полная
пепельница.

* * *

Я изучаю тебя. Ты – каратэ.
Всё к тебе сведено.
Из тебя мне – два выхода.
Первый дан, второй дан.
Третьего не дано.

КОГДА ЖЕ СНОВА НОЧЬ! *

Как утро начинается? Со спички.
Зевая, ставлю чайник на плиту.
Он тихо воет на своем посту,
Не отзываясь на собачьи клички.

Обугленная тьма бежит от окон,
Стыдливо огибая циферблат.
Вот-вот сестрою назовётся брат
И надорвёт плечом постылый кокон.

Порочный день. Он лопнет как нарыв.
Скорей бы снова ночь.

День короток. Едва успев заняться,
Он отступает, щурясь на восток.
Он пятится, почти на волосок
От пропасти, где сны уже не снятся.

Вчерашнее чуть медлит, исчезая.
Минуточку... А где же... Был же сон!..
Нет! Опрокинут, скомкан и смещён
С координат искусственного рая.

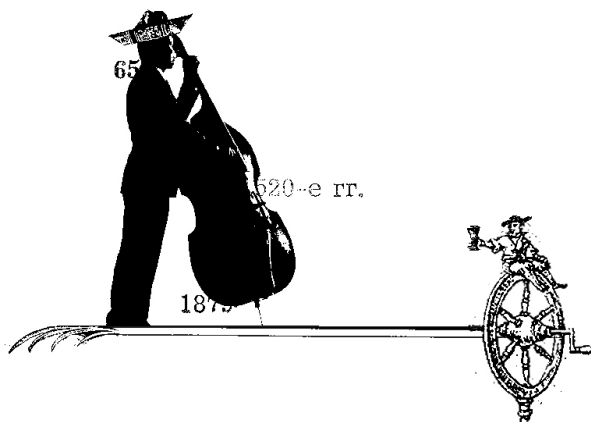
Паскудный день, он высосан из пальца.
Когда же снова ночь...

На кухне, греясь газовым теплом,
Разделим неподдельное веселье.
Тебя – я знаю – нет на самом деле,
И это, если честно, мне в облом.

Никчёмный день, он свёрнут как салфетка...
Когда же снова ночь!

* * *

С магнитной ленты льётся тихий Сплин.
Привычно выбиваю клином клин,
Над домом ночь – она лежит на крыше,
Пытаюсь разглядеть в небесной нише
И в звёздной гуще чью-нибудь судьбу.
Она луну таскала на горбу,
Надкусывала край, роняла крошки,
Прокладывала лунные дорожки.
Устала. Черепица под лопаткой,
Под локтем водосточный желоб шаткий,
На шиферной подстилке голова.
Уютно ей. И нам двоим не спится.
И звёздной пылью вниз летят слова.
И музыка росой на них ложится.

* * *

Это пьяный троллейбус поёт лебединую песню.
Где-то в левом кармане сопит недобитая рифма,
И летит умирать на свечу полусонный комарик,
Будто лето, и полночь приблизилась, ухо щекочет.
Я сложу с себя ветхий доспех, посижу на дорожку,
Перестану хранить имена в сокровенной шкатулке.
Посмотри на меня с высоты, необъезженный байкер...
Поглотила небесная гладь твой сияющий чоппер!

* * *

Не до стихов! Как только карандаш
К бумаге подношу –
Из белизны листа
Твоё лицо всплывает.
И к нему
Мне нечего добавить.

* * *

Ведь мы с тобой могли произнести
Одновременно
Одно и то же слово.
Как будто подсказать его друг другу
Особым взглядом
И угадать шальную мысль.
Теперь – молчи. Не нарушай обета.
Взгляни в меня настойчиво и нежно,
Как будто я исчезла.
Не позволяй мне рассекретить
Твой метод.
Подведи итог
И унеси во внутреннем кармане.
Твоя взяла.
Я шутку оценила. И еле сдерживаюсь,
чтоб не засмеяться.

САД

ветром сорвало петли со спиц
на берег реки вынесло соломинку

ладонь зачерпнула – струна не дрогнула
зрачок сузился – организму стало смешно

платок зашипел под утюгом
зелёный человечек покраснел
не дожидаясь
пока я
перейду улицу

маршрутка мне не остановила
хотя я прилежно махала рукой –
значит, я уже
прозрачна

вечером зазвонил телефон
но это был кто-то
по делу

в довершение
явилась весна –
в кепке
с лопатой на плече –

и перекопала меня как сад

ЯНВАРЬ

Мне нечего сказать тебе в ответ.
Возможно, за отсутствием вопроса.
К тому же – до конца ещё не спет

Последний легкомысленный куплет,
Несмелая двусмысленная просьба.

Возможно, мне удастся взять баррэ
На этой неприрученной гитаре.
Я соглашусь участвовать в игре.
Возможно, всё случится в январе –
И как за это полюблю январь я!

Хотя, вполне возможно, что весной,
Что именно весной растает льдинка,
И сердце, увлечённое игрой,
Подскочит вдруг корундовой иглой
На старой исцарапанной пластинке.

Как пережить опасную весну?
В глазах твоих темнеет древний сумрак,
В котором я, возможно, утону.
Но – улыбнусь. И выберу одну –
Одну из этих шахматных фигурок.

ПИАНИНО*

В доме моём протекает крыша
Там нет паркета и нет камина
Зато в большой холодной комнате
Стоит покрытое чёрным лаком пианино.
По правде сказать, да, пианино, но –
наполовину.

Оно исцарапано и не настроено.
В каждой октаве свои до мажоры.
Болтаются, стонут, хрипят его молоточки.
Скрипит педаль, вдавленная до упора.

Зато на этом самом пианино,
Вот на этих клавишах цвета старой кости
Забывали бокалы, играли собачий вальс,
Подбирали «Yesterday» пьяные гости.

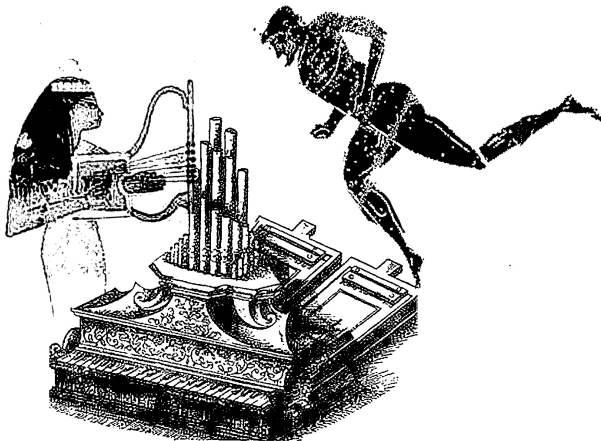
По этим клавишам можно вести летопись,
Чернилами, замешанными на слезах и алкоголе...
А как тут страдали два... нет, три поколения,
Отбывая срок в музыкальной школе!

Терпели мучения тут ни в чем не повинные фуги,
Прелюдии, гаммы, этюды и сонатины...
А я постепенно училась держать прямо спину.
И если духи предков живут в моем доме,
То главным образом, видимо,
в этом пианино.

* * *

Самый налаженный метод –
Когда уже поздно деликатничать –
Это называть вещи своими именами
Вместо их собственных,
Потому что хозяин в процессе владения
Становится похожим на свою вещь.
Это правильные игры,
Рождённые из подстрочников,
Поражённые трёхмерностью мира
И сделанные на совесть.
Мы с тобой из одного теста, ты и я,
Маугли, похищающий угли...
Расцветает в сумерках Аленький Цветок,
Меч медленно опускается в звенящий камень
По самую рукоять. Покрывается льдом.
И вещи, привыкая к нашим именам,
Становятся похожими на хозяев.

Застигнутые врасплох, пойманные с поличным,
Мы сворачиваемся в глубине души,
Как пружина-улитка в скорлупе будильника.
За стеной тикают чьи-то шаги.
Невидимые хозяева проходят мимо,
Несут вещи, названные их именами,
И всё крепче забывают, как отличить
Себя от них.

ХОККУ

На депозите
Лишь два тетри осталось.
На что они мне?

ПЕРЕКЛИЧКА

Поэт:

Гитара на диване лежит,
Водичка из-под крана бежит,
Стишок с похмелья тихо рожу
И ручки на себя наложу.

Музыкант:

За окнами щебечет весна,
Соснуть бы, но мешает сосна.
Стишок я на пюпитр положу,
Мотивчик на него наложу.

Бард:

Гитара на диване? Ага!
Повеситься? – мешают рога!
Я автор этой песни, увы.
Меня уже послали на... вы.

Критик:

Я нюхом чую дилетантизм,
Я волком выгрыз бы модернизм,
Ну что это за примитивизм?
Я всех их посылаю на... -изм!

Посторонний с пивом:

Как хорошо, что я не поэт,
И что со слухом тоже – привет,
Я никого не крити-ку-ю.
Сижу себе и пиво – вот – пью.

* * *

Пьяный драмер
Бьёт в там-там:
«Там-там! Там-там!»
Для своей Прекрасной Дамы
Он играет на тамтаме.
Дама бегаёт кругами
От ужасного там-тама.
Драмер – бегаёт за дамой.
И поэтому там-там
Слышен нам
то там, то там!..

* * *

Роба микроба тонка
как ДНК
как калька крыла мотылька

ОДА ТРОЛЛЕЙБУСУ

Троллейбус... Трёхсложное слово. Стоит ударенье
 На слоге втором. Безударные – первый и третий.
 Размер соответствующий выбираю для оды –
 Троллейбус воспет амфибрахием будет усердно.
 Конечно, прикольное было б гекзаметром жахнуть,
 Но он же не троллейбус, все-таки! Он же троллейбус!
 Такой вот концепт... А размерчик у нас пятистопный
 Уже вырисовывается себе потихоньку.

Пишу вот – и чувствую: кто-то вздыхает и плачет...
 И кто это тут, извините, вздыхает и плачет?
 Тут нет никого! Это кто же вздыхает и плачет?..
 Филолог во мне – вот, кто, значит, вздыхает и плачет!
 Ведь слово «троллейбус» в раздумии я написала
 Вначале с одной буквой «л», а потом, спохватившись,
 Добавила быстро вторую, исправив ошибку.
 Настолько давно он исчез с наших улиц тбилисских,
 Что я умудрилась забыть, как он пишется... Грустно.
 А кажется, будто вчера ещё бегал троллейбус,
 Такой повседневный и экологически чистый.
 Билетик троллейбусный стоил четыре копейки...
 Ах, милый троллейбус, кусочек далекого детства...

Вначале, я помню, дурацкий такой, лупоглазый,
 Какой-то игрушечный был ты и очень советский.
 А в восьмидесятых тебя заменили на «Шкоду»,
 Которая где-то в моторе гармоникой пела,
 В зависимости от того, набирал ли ты скорость
 Иль сбрасывал скорость. В диковинку было нам это,
 И дети троллейбусу все подпевали. Я тоже.
 Водитель – усатый герой и рогов укротитель, –
 В больших рукавицах опасную делал работу,
 Стучал по рогам и, верёвки держа, словно вожжи,
 Сажал на убийственный провод прыгучую штангу.

Так древний возникший глядел, в небеса направляя
Свою колесницу. Контакт. Заискрилось. И песня
Под днищем опять возникала. И плыли мы дальше.

И вот подошли девяностые. Честно, дружище,
Ты долг выполнял, хоть, бывало, мы на остановке
Тебя дожидаясь, стояли по часу – и больше.
И с верой (тогда – не совсем христианской, совковой)
Мы за проводами следили – вдруг дрогнет, качнётся,
А значило это, что где-то за три остановки,
А, может, за две – оживала надежда на чудо.
И линий твоих параллельность была бесконечной,
Не требующей доказательств не-пересечения...

И вот появлялся ты – с полуохрипшей гармошкой
Под днищем. С дверями, которые не закрывались.
Попробуй закрыть: пассажиры висят на подножках,
Куда-нибудь ногу поставив, за поручень пальцем
Схватившись, чтоб как-нибудь так, то есть, на честном слове
Добраться, приблизиться к цели. Пешком – непривычно
Нам было вначале. Потом, мы, конечно, привыкли,
Но всё же, как ждали тебя, умоляли приехать,
Считали до ста, и считали до тысячи ста!..
Хотя, и дождавшись, залезть в тебя было непросто,
Под силу был подвиг такой молодым и здоровым.
Они за какие-то выступы смело цеплялись
И висли по стенкам троллейбуса сбоку и сзади,
И лезли на крышу, и ехали, сидя на крыше.
Платить за проезд, разумеется, и не пытались.

Троллейбус, покорно несущий бессовестных зайцев,
Твое милосердное чрево тбилисцев спасало!
Пусть не помогал нам, усталым, в практическом смысле,
Зато появлялся, как чудо, и грел наше сердце.
И радостно было бредущим по улице тёмной –
Хоть кто-то сегодня троллейбусом этим подобран!

Мы помним, троллейбус, твою непонятную песню.
Пусть упряднён ты совсем и исчез с наших улиц!
Мы сложим различные оды, баллады и саги,
И в честь твою много устроим мероприятий,
И будем рассказывать детям, а также их детям!

* * *

Двадцать лет спустя
уже не сосчитать,
сколько кусочков свинца
затаилось
в сердцевине
тбилисских платанов.

* * *

На два замка
закрытая
ржавая решётка.
За решёткой –
стеклянная дверь.
За стеклом –
надпись
«Открыто».

* * *

История города
пишется дождём
на табличках
асфальта.
Старые дома
осыпаются в прах,
как уже не нужные
скрижали.

КНИГА

...Но оказалась брошенной,
Словно кукла безглазая –
Частичка чьего-то прошлого
Для чтения внеклассного.
Среди гражданского мусора,
В смердящей утробе бака
Тихо лежит Искусство,
Подышающее, как собака.

* * *

а шапочку
а варешки
а верхнюю пуговицу
шарфиком вот
укутайся
и еще на дорожку
и в этот кармашек
и в тот
и в салфеточке
и ещё кусочек
и пригоршню
и щепотку
и пакетик сложенный из страниц 43-44
смотри у меня
не простудись
дыши аккуратно
смотри под ноги
не потеряй по дороге
голос
будь осторожен
переходя улицу
не забывай
скоро конец света

когда рухнут все коммуникации
мы легкомысленно отыщем
друг друга
по крошкам
от миндального
печенья

Эксперименты на тему: «Нарцисс»

1

Весна. Нарцисс купил букет нарциссов
И подарил их самому себе.

2

Нарцисс склонился над ручьем,
И отражение его сказало:
«Не пей, Нарцисс, – нарциссом станешь!»

3

Нарцисс у зеркала стоял
И собирался бриться.
А отражение его сказало:
«А, ты уже бреешься моей бритвой!..»

4

У меня отпечатки твоих пальцев
У тебя отголоски моих мыслей
У меня записаны в телефонной книжке
Номера твоих бывших
У тебя мои волосы походка прыщи
У меня твой любимый цвет глаз
У тебя диагноз который поставили мне врачи
И кто же из нас двоих?
Кто же из нас?

* * *

Если вдруг взять и совместить
Робинзон Крузо
и всё что про него написано
ягода содержит до
30 процентов
одна видимость
ухудшается
другая склоняется
к промышленному способу
день деньской
выскакиваю за скобки
не смотри
на дне отражение
каждого следа от руки
вот как наслаивается
серебро
вот как иссякает
словарный запас
не верь буквам
злись и вытаскивай
себя из себя
как винную пробку

КВАРТИРНИК

не доезжая до поворота
сойти
купить по дороге пива и сигарет
перейти через рельсы
– и дальше –
вдоль кривых заборов
калитку толкнуть
и войти
уже узнавая

смех, голоса и аккорды
будет лить дождь где-то снаружи
кричать – поезд
звенеть – время
темнеть – чай
выйдешь в сумерках
с гитарой в обнимку
и встретишь, наверное,
саму себя

ВЕСЕННЕЕ

А? Че? Колбасит?
Нет, не колбасит...
Странно, почему это не колбасит?
Вроде только что колбасило,
и вдруг опять не колбасит.
Ну что, колбасит наконец?
Да не колбасит!
Поколбасило бы чуток.
Ну, что поделаешь – не колбасит и не колбасит.
Не колбасит, ничего не поделаешь.
А вдруг заколбасит?
Вот вчера как колбасило.
И сегодня утром колбасило здорово.
И вот буквально только что колбасило.
И вдруг не колбасит – и все тут!
Ой, кажется начинает колбасить.
Точно, колбасит!
Ага, заколбасило!
Тьфу ты! Нет! Не колбасит!
Может, со мной что-то не так? Почему не колбасит?
А тебя не колбасит?
А тебя? Почему-то всех колбасит, а меня не колбасит!
Со мной что-то не так, раз меня не колбасит.

ОСЕННЕЕ

А? Че? Плющит?

Нет, не плющит...

Странно, почему это не плющит?

Вроде только что плющило,

и вдруг опять не плющит.

Ну что, плющит наконец?

Да не плющит!

Поплющило бы чуток.

Ну, что поделаешь – не плющит и не плющит.

Не плющит, ничего не поделаешь.

А вдруг заплющит?

Вот вчера как плющило.

И сегодня утром плющило здорово.

И вот буквально только что плющило.

И вдруг не плющит – и все тут!

Ой, кажется начинает плющить.

Точно, плющит!

Ага, заплющило!

Тьфу ты! Нет! Не плющит!

Может, со мной что-то не так? Почему не плющит?

А тебя не плющит?

А тебя? Почему-то всех плющит, а меня не плющит!

Со мной что-то не так, раз меня не плющит.

ПРО ОБУВЬ, ПРО ЛЮБОВЬ...

1

тапочки для того и созданы

чтобы бросать ими в тебя

это наш условный язык

когда не хватает обычных

слов

предложений

других
более масштабных синтаксических конструкций
когда не хватает нужных
интонаций для донесения смысла
того что между нами происходит
и от того по какой траектории
летит тапок
и от того левый или правый брошен
и от того совершает ли он на лету
дополнительные вращения
вокруг своей оси
и от того попадёт в тебя или нет
и если попадёт то в какую часть тела
от этого всего зависит то
что я хотела бы тебе сказать
и то что бы ты смог на это ответить
но на самом деле конечно же
между нами происходит такое
что никаких тапочек не хватит
придётся набрать номер и позвонить
...а как не хочется!

2

Ослик ходит по дорожке,
У него обуты ножки.
Кто же ослика обул?
Это знает весь аул:
Обувает старый дед
Весь аул уж много лет.
Стоит лишь ему попасться –
Смысла нет сопротивляться.
Против деда не попрёшь –
Необутым не уйдёшь!
Ходит по аулу дед,
В камуфляжное одет,
Ловит в сети необурых,
Обувает за минуту!

Стихи на маленьких бумажках

1

Ночь как непрерывный гудок.
Набери наугад шесть звёзд
и, не дожидаясь ответа,
брось трубку.

2

Утеряно пальто.
Его хозяин очень
Переживает.
Три года вместе. Шутка ли? Привык.

3

Передвигаюсь. По-пластунски.
Тренер, рождённый ползать,
Делает ценные замечания.
Принимаю к сведению.
Перечитываю Пелевина.

4

Когда-то в детстве
на необъезженном велосипеде
поняла сквозь слёзы,
что никогда не научусь
правильно тормозить.

5

Что такое любовь?
Не геометрия,
не физика,
не грамматика,
не большая перемена,
не последняя страница

тетради в клетку,
не сломанный карандаш НВ,
даже
не список книг
для внеклассного чтения.

6

Вопрос остаётся открытым,
Разговор – законченным,
Тема – исчерпанной.
И так – много лет подряд.

7

Хочу петь
как Дэвид Боуи,
Джим Моррисон,
Дженис Джоплин,
Фредди Меркьюри,
Мик Джаггер,
Элвис Пресли,
Егор Летов
и Титто Гобби
вместе взятые.

8

Последняя бумажка –
На ней стихотворенье
Я запишу скорее
И спатики пойду,
Хотя других бумажек
Тут рядом очень много,
Но больше я не буду
Сегодня стихотво-
ренья записывать тут.
Бумажка уж закан-
чивается.

РУСАЛКА

На берегу моря Тбилисского
Вся в водорослях без стыда и совести
Русалка сидит пульс себе щупает
Обхватив запястье тонкое зелёное
Пальцами тонкими зелёными светящимися
Из озера к ней одноклассник выходит
В белоснежном скафандре на босу ногу
Глядит с улыбкой строит предположения
И это только вторая глава

МОЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПЯЛИТСЯ В СТЕНУ И СОСРЕДОТОЧЕННО РАЗМЫШЛЯЕТ О РАЗНОМ

Какое-то время окурков
гасить о замшелый кирпич
знакомого дома, стена
которого вместе с двумя
другими сомкнулась в тупик
типичный, где в мусорном баке
вчерашняя жизнь догнивала
жильцов и, возможно, прохожих
случайных, немногих, и ржавой
трубой водосточной болел
тот угол, в котором сейчас
окажется этот окурков,
сверкнув напоследок искрой
оранжевой и бесполезной,
и сердце в нагрудном кармане
замрёт, потеплеет, как сдача –
медью и серебром.

* * *

обрывки афиш на стенах
одинаковые рожи в ряд
ветер и дождь стараются
но клей был хороший
я иду по улице
ах какая прекрасная фраза
я иду по улице
хочется повторять её снова и снова
я иду по улице
я иду по улице
трансформер с горящими глазами
превращается в автобус
пьёт кровь из малолеток
пьёт за их здоровье
мой город уже не мой
мой город уже не мой
то же самое читается без пробела
между словами «не» и «мой»
но читается гораздо медленнее
и прячется в пыльный чемодан
кто ждёт меня на том конце города
кто ждёт меня на том конце провода
кто ждёт меня на том конце линии жизни
кто на этом
то же самое произносится без любви
но с явной вопросительной интонацией
и вот снова наступает утро
какая знакомая фраза
хочется забыть её и никогда не повторять
но она возникает снова и снова
и вот снова наступает утро
и вот снова наступает утро
и нарисованный дворник
исчезает за углом
моего дома сложенного из туфа

что наверное не характерно для этих мест
тёмно-карие – мои глаза –
с еле заметным серым ободком

КНИЖКА

Говорю тебе –
Приюти у себя дома
бездомную книжку
дай ей крошек
погладь по спинке
из старой газеты
сделай обложку
из розовой ленточки
сделай закладку
назови её деткой
загляни в неё
поглубже
и ты почувствуешь
как душе твоей
становится лучше

Пушкинское (бюстовское)

1

Июнь? Июль?..
Но Пушкин плачет
февральскою слезою
Пастернака.
Что дождь ему, Светилу? –
так, словцо паршивое,
к которому и рифму-то,
пока подыщешь, –
сдохнешь.

2

Смотрю в окно –
и на душе спокойно,
хоть муза загуляла где-то, стерва....

Зато –
сквер Пушкина, и улица его же, и бюст –
в пяти минутах ходьбы.
В любое время можно
побежать к нему,
поплакаться.

3

А Пушкин смотрит
на Музей искусств,
и многократно
утерянный и обретённый
твёрдый знак
в конце фамилии –
поблёскивает,
будто зуб фальшивый.
Интересно,
а из какого он металла?

4

Зачем ты поднимаешь,
о политик,
вопрос о переносе бюста в другое место
иль вовсе (о ужас!)
о ликвидации его?
А где ж тогда
с друзьями
нам назначать свидания?

5

Бюст Пушкина
кудряв

и вызывает
в памяти моей
иные кудри,
золотившиеся
в центре
октябратской
звёздочки.

6

Ах, неужели
памятник поэту
на то и нужен,
чтобы назначать
свиданья
у его подножья?
Мог ли он
предполагать?..

Отрывки из тбилисских набросков

1

В Ботаническом саду
Тоже ловит Джеоселл.

2

Со Стеклянного моста
Резиденция видна.

3

Вот старушка. У неё
Можно семечки купить.

4

Вот старушка. У неё
Наркоманы внуки.

Так сказали про неё
В этом магазине.

5

Жизнь на улице Шардена –
Полнокровная, как вена.

6

Хочешь – верь, хочешь – не верь,
А в автобусах теперь
Кассы с контролёрами.
И в автобусах теперь,
Хочешь – верь, хочешь – не верь,
Пахнет дезодорами.
И водитель там теперь –
В рубашечке с узорами.
Заходи в любую дверь,
Выходи в любую дверь, –
Все двери открываются,
Все двери закрываются.
Все окна открываются (когда душно),
Все окна закрываются (когда дождик).
Все в автобусах теперь
С радостными взорами,
Словно с помидорами.

7

Как на “Электродепо”
Двери открываются,
Больше так они нигде,
Нет, не открываются,
Ни на одной станции
Нашего
Тбилисского
Метрополитена!

8

Нету у нас в городе
Памятника Гоголю.
А когда-то памятник
Н.В.Гоголю стоял
В Александровском саду.
(бюст)

И за ним любили целоваться влюблённые.

Бюст, увы, давно украли –
Времена плохие были,
Воровали медь и бронзу,
Воровали тросы лифтов,
*Даже троллейбусные линии отрезали и электрокабель
выкапывали!*

Пьедестал стоял без бюста
Года три, а то и больше,
И на нём блестела надпись
«Н.В.Гоголь»... Но однажды
Даже пьедестал пропал,
Словно бы и не было
Никакого Гоголя.

Сейчас это место легко можно найти по памятнику Собчаку.

9

Вот старушка. У неё
на подносе в два ряда
цхели пеновани.
Она ходит и кричит:
«Цхели пеновани!» –
то есть,
«хачапури,
горячее,
слоёное»...
Значит, где-то рядом
митинг или площадь Вокзальная.

ПОКИДАЮ НИРВАНУ, СТАРАЯСЬ СДЕЛАТЬ ЭТО КАК МОЖНО НЕЗАМЕТНЕЕ

Я проснулась
по горло в одежде.
Как и прежде,
похожая на Ван Дамма.
Архимедова сила
выталкивала
меня из нирваны.
Лаяла Сцилла.
Я выбежала на улицу,
забыв дома такси.
Подвывала Харибда.
Ветер, стервец, уносил
осенние номера телефонов...
(пауза)
Как объяснить
этому инопланетянину
разницу между кнопками
“on” и “off”?
И как объяснить,
что я
повисла вниз головой
в ослепительной луже
и радуюсь?
Автобус вплетается
комочком шерсти
в городскую основу.
По фуникулёру вверх
лезет Годзилла,
изображая Кинг-Конга.
С десктопа исчезла
фотошоповская иконка, –
Но я уже ничего не боюсь.
И там, где тонко –

уже не рвётся,
надоело!
Зомби – душка! С душком...
(смеётся).
Эм-Ти-Ви
лето красное
пропело.

РОК-КЛУБ

На месте
рок-клуба
почему-то взяли
и открыли
диско-бар,
Но он
не просуществовал
и полгода,
И сегодня
там снова
рок-клуб.
Во как!

* * *

левый
полузащитник
напал
на правозащитника

здравоохранение
обороняется
от безопасности

на скорой помощи
приехали грабители

а я всё пишу стихи
от балды
до лампочки

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ*

Девяностые годы? А что – девяностые годы?
Анекдоты приходят нагие и без бороды,
Говорить на другом языке скоро выйдет из моды,
И без боя сдаются вишнёвые наши сады...

Дома нечего есть, кроме чайной заварки и соды.
Колбаса – это просто фаллический символ еды.
Сгусток хлеба – полнее самой полночной звезды.
Тьма нежна, и бесхозны околоплодные воды.

Неприглядное зрелище – роды свободы. Во льды
Не вмерзают уроды. Ползут языки и народы
Хлебной очередью, за собой заметая следы.
Мы бредём по Тбилиси, как собственные антиподы.
Мы впотьмах и спросонок. Нам платят нули за труды.

Пьяный город, скучая, дозором обходит штрих-коды.
Кто-то чудом спасётся. А кто-то умрёт молодым.
По прохожим стреляет декабрь. Девяностые годы.
Выдают по талонам (без фильтра) отечества дым.

РАННЕЙ ВЕСНОЙ ЗАДУМАЛАСЬ О СЛОЖНЫХ СУДЬБАХ

С улыбкой Эдип вопросительным знаком
над сфинксом завис умолкая
Ползет Одиссей по вонючей трубе из Шоушенка на волю
Телемах кирпичом телефон-автомат
громит (безотцовщина!) спяну

Медуза Горгона беззвучно рыдая сидит перед телеэкраном
Сфинкс задает за вопросом вопрос существу по имени Гугл
Прокруст физкультурой лечебной себе пытается
выправить спину
Снежная Королева складывает из кусочков Кая слово «Титаник»

* * *

Когда я вырасту
Я стану толстой
Как народная артистка Элвис Пресли
В мою честь
Назовут ресторан
И автобус
И мне будет легко дышать
Зная
Что я умер

* * *

Уж сколько раз твердили свету:
Нет, весь я не умру! Карету мне, карету!
Коня! Коня! Полцарства за коня!
Но... вреден Север для меня.
Быть или не быть? Любовь ещё, быть может...
Но не любить оно не может!
Чу!.. Тятя, тятя, наши сети!!!
...Нет повести печальнее на свете.

РУССКОЯЗЫЧЕСТВО

Косноязычием
как козырем – одним махом –
побивать свое красноречие.
Одичавшее одиночество

приструнить,
растянуть шкурой
на беспристрастном солнце
сушиться.
Извлечь, как корень, отчество из отчества.
Вспомнить все
чужачества,
с детства и отрочества
въевшиеся под кожу.
Соблюсти закон
качества,
перетекающего
в электричество.
Вывести саму себя
за левую руку правой рукой,
как формулу творчества,
сухой – из реки речи.
Радостно пляясь на яблоко, говорить слова,
выбиваясь из графика
двуязычия.
До одурения снова и снова влюбляясь,
И впадая, впадая, впадая
в становящееся
всё запретнее и запретнее,
озверевшее,
зачерствевшее,
полоумное,
несравненное
русскоязычество.

РЫБА

О, эта рыба не так уж проста –
Гниёт с головы, а воняет с хвоста.
Ну, а если её кто и перевернет, –
Голова завоняет, а хвост – загниёт.

ХОТ-ДОГ

Собака не знает, чье мясо сожрала.
В посмертной записке она написала,
Что будет зарыта в условленном месте...
Однако её запечатали в тесте.

* * *

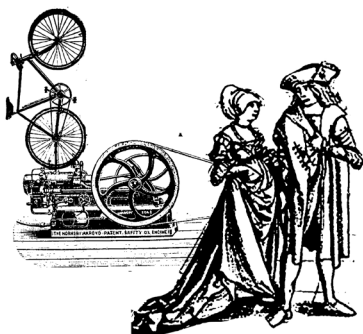
Мой-
до- дыр,
Жи-
во- дёр!!!

* * *

Два сапога пара-
лельны
и не
пересекаются
никогда
никогда
никогда

* * *

Этим летом
Капулетти
отдыхали
в Кобулетти.
А вот
Монтекки
предпочли
Уреки.

ВМЕСТО РОМАНА

На лестнице, то и дело ведущей в никогда,
 Я зарычала, как львица. Мне не спится.
 Я делаюсь всё длиннее, как твоя позавчерашняя борода.
 Под толщей пустыни, как свидетельствуют источники,
 затаилась вода.

На столе лежит мышеловка,
 раскрытая на 32-й странице – на слове «да!»,
 Вырванном из контекста, –
 Это было то ли название полевого цветка,
 То ли ксерокс с репродукции палимпсеста.
 Однако недоброжелателем утерян ключ от моего дельтаплана.
 И я убегаю пешком из клиники Нарнии,
 Спасаясь от киллера-Обевана
 Кеноби.

Не стреляйте в тапёра – не убивайте этого жалкого падавана!
 Он не знал ничего о предназначении дездемоновского платка.
 Он просто хотел выглядеть хоть чуточку шикарнее.
 Так скажем друг другу – «о да, безусловно» или просто «пока».
 И, может быть, сядем и расшифруем ключ к источнику,
 В подстрочнике нету его. Тра-та-та, –
 говорит автомат. Ты вскакиваешь с места,
 Выкрикиваешь ему в ответ чудовищные фразеологизмы.
 Электронная письменность, наконец,
 победила все тридцать три фашизма,

Лежащие в природе вещей.
 Тридевятый Кощей, вообразив себя принцем,
 Отправляется искать смысл жизни.
 Живая вода отрезвляет его, и вот, преисполнен стыда,
 Он шагает по лестнице, прямо в пасть мышеловки,
 Раскрытой на тридесятой странице.
 Хотя я не требовала сатисфакции.
 И, знаете, мне неловко в этом признаться,
 Но в конце моего романа – героя ждёт пицца.

НЕЖНЫЙ ЧЕРВЬ СОМНЕНИЯ

И почему нежный червь сомнения
глохнет твою разматывающуюся стерилизо-
ванным бинтом душу выпавшим из вертолета
бинтом санитары тупо глядят вниз звучит
параноид андроид по радио радиохэд это
голова с антенной и ручкой-регулятором.

И почему нежный червь сомнения
блюдёт твои самовосстанавливающиеся
и в то же время могущие самовоспламениться
уставы кодексы каноны инструкции
рид ми, о плиз, плиз, рид ми! – стонет
уронив крыло

И почему нежный червь сомнения
ты или не ты или кто-то другой не ты
в профиль так на тебя похож или на кого-то
другого или на тебя, но не знаю, ты или нет,
но ведь очень напоминает, да-да, напоминает,
и даже не только в профиль, живи как
знаешь, только живи, но нет, не согласен.

И почему нежный червь сомнения
и всё время о чём-то ненужном, а главное
ускользает, санитары тупо глядят вниз,
и когда надо плакать, специально вспоминаешь
анекдот и как ты упал не разбив бутылку
в кармане куртки, обижаясь, почему
я не посвящала тебе стихи, а значит, тебе не
надо было, потому и не посвящала вот так.

ДВАЖДЫ

и замечаешь краем глаза шипящее как ползучая гадина радио сальтомортальный комбат подражая китайским маргариткам делает это и это и то тоже делает неменяемый и превосходно обученный и блестяще натренированный и определенно неподражаемый во все дни недели и во все вечера после полноценного трудового сражения для того чтобы или во имя кого чтобы или ради тех кому больше всех надо в темноте только огоньки ведущие к аварийному люку который заварен снаружи но всё равно смысла уже нет потому что те двести тысяч зарифмованных строк с сайта стихи точка ру забыты в ящике письменного стола с ножками в виде львиных лап над которым на стене кнопками приколот календарь с фотографией ктулху на две тысячи тринадцатый год с отмеченными красным карандашом позитивными днями и вот тебе приходится идти по совсем другим коридорам воображая себя северными реками повернутыми вспять или венозной кровью которая вдруг обнаружила что течёт по артерии или сперматозоидом которого преследуют хищные чужие или чужие хищники потому что темно и всё вокруг такое что хочется открыть словарь иностранных слов и наугад обзывать словами латинского и немецкого происхождения а ведь всё то же самое можно было набрать не вот так сплошняком а разделив на отдельные строчки но тогда получилось бы стихотворение вот приблизительно такое

и замечаешь краем
глаза шипящее как ползучая гадина радио
сальтомортальный комбат подражая
китайским маргариткам
делает это
и это
и то тоже
делает неменяемый и превосходно обученный и блестяще
натренированный и определённо неподражаемый

во все дни недели и во все вечера
после полноценного трудового сражения для того чтобы
или во имя кого чтобы
или ради тех кому больше всех надо
в темноте только огоньки
ведущие
к аварийному люку
который заварен снаружи
но всё равно смысла уже нет потому что
те двести тысяч зарифмованных строк с сайта стихи точка ру
забыты в ящике письменного стола с ножками
в виде львиных лап
над которым на стене кнопками
приколот календарь
с фотографией ктулху
на две тысячи тринадцатый год
с отмеченными красным карандашом позитивными днями
и вот тебе приходится идти по совсем другим коридорам
воображая себя северными реками повернутыми вспять
или венозной кровью которая вдруг обнаружила что
течет по артерии
или сперматозоидом которого
преследуют хищные чужие или чужие хищники
потому что темно и всё вокруг такое
что хочется открыть словарь
иностранных слов
и наугад обзывать словами
латинского и немецкого
происхождения
а ведь всё то же самое можно было
набрать не вот так сплошняком
а разделив на отдельные строчки
но тогда получилось бы стихотворение
вот приблизительно такое
вот какое!
и что ты дергаешься оставила бы сплошняком как было вначале

* * *

Я летела над крышами,
Рассыпая снежинки попкорна,
Изображая менеджера по закупкам
И повторяя в уме
Тринадцать способов вычислить
Воображаемую линию
Соединяющую
Центр твоей ладони
С невидимой буквой
Русского алфавита.

* * *

полупрозрачный рекламный слой на стекле
окно автобуса непрозрачно снаружи
затаённо дышат люди, сжимая в руках билеты,
поскрипывают заезженные мысли
смешные новости бесподобные песни ни для кого
опечатка на обертке конфеты – «мишка кАсАлалый»
ленивые узоры крючком всамделишные громоотводы
начатые книги в электронной версии брошенные на полуслове
множество подмножеств в единственном возможном сочетании
покрывающиеся пылью новогодние украшения
призваны развеселить и сделать духовнее
приподнимите мне веки но слегка только на миллиметр
уголком глаза мне бы только честное слово
закон суров но это закон а нам следует быть милыми
и великодушными ко всем без исключения
ни одно лицо не остаётся в памяти только
ссутулившиеся фигурки
всё не решаюсь на поиск
выбираю букву с которой можно начать повесть
знаки препинания расставятся сами

20 ЛЕТ НАЗАД

Теперь уже можно сказать: двадцать лет назад –
когда не было ни цифровых фотоаппаратов,
ни принтеров с плюющимися краской картриджами.
Не было и компьютеров, айподов, мобильных телефонов.
Только черно-белые фотографии Брюса Ли и Алена Делона,
Сделанные, видимо, с экрана телевизора.
Только черные диски, которые так трудно достать
И так легко поцарапать.
Только магнитофон, перед которым
Можно было петь, молиться, дурачиться,
Не зажигая свечу, но нажав на кнопку «Запись».
Можно было ходить с тобой пешком
Целыми часами по темному городу,
не пугаясь невменяемости боевиков,
не думая о случайной пуле,
не зная, что будет завтра,
не сокрушаясь о том, что метро уже закрылось на ночь,
не замечая, что сапоги с чужой ноги,
не придавая значения наличию или отсутствию еды,
не надеясь на чудо, но приветствуя факт чуда,
не удивляясь некоторым странностям гуманитарной помощи,
не держа тебя за руку или держа тебя за руку.
Можно было восхищаться тобой безгранично.
Тем, как ты заявлял, что хочешь непринуждённо
Выбросить мандариновую корочку с моста
На проезжающую машину.
Или тем, как ты хвастался, что даже пьяным
Дойдешь до дому на автопилоте.
Или тем, как ты приласкал подзаборного пса,
Который только что готов был сожрать тебя.
Это было где-то на стыке эпох,
Приблизительно там, где края столетий,
Как материковые плиты, трутся друг о друга,

Сотрясая мирных жителей и прочую мелюзгу.
Теперь уже можно сказать, что
Первая любовь умирает последней.

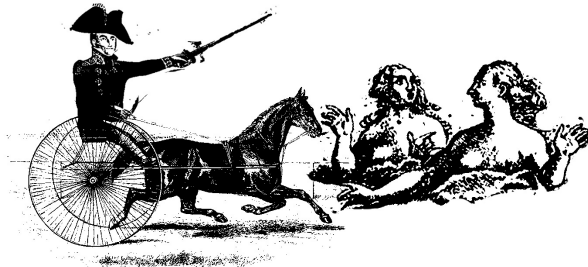
О ПИВЕ И АВТОБУСАХ

1

Я ехала в автобусе, на котором
Было написано:
«Чрезмерное употребление пива
наносит вред вашему здоровью»...
И я подумала –
Это ли не повод
Для написания стихотворения
Верлибром!

2

Сидя уже в другом автобусе,
Я проехала мимо автобуса,
На котором было написано:
«Чрезмерное употребление пива
наносит вред вашему здоровью»...
И подумала –
Это ли не повод
Для написания второго стихотворения
Верлибром!

* * *

она смеялась и курила
о нет курила и смеялась
или курила не смеялась
или смеялась не курила
одновременно невозможно
нет невозможно невозможно
одновременно не курила
смеялась только не курила
одновременно не смогла бы
курила только не смеялась
нет невозможно невозможно

она как женщина подснежник
для всех загадочна всегда
одновременно не курила
или смеялась не курила
непопулярно просочилась
смогла вернулась лапой глазом
зрачком трехмерным невозможно
петлёй спустилась по колготкам
ты у меня под кожей детка
поёт певец собака лает

она как женщина треножник
не улетает безнадёжно
для всех порядочна всегда
курила только не смеялась
одновременно не курила
она как женщина полезна
и смотрит нервная на дверь
ты у меня в кармане детка
не вместо мелочи с ключами
не верит любит приходи

* * *

Прекрасносияющая,
продолжительноскачущая,
в СМҮК из RGB не переводящаяся,
незамедлительноудивляющая,
недальновидноумозрительная,
законопослушноблаговидная
Прокрустова лошадь,
бьёшь копытом
в окрашенные недавно ворота.
Зла на кого?

* * *

Мал амбидекстер верен стенофаг
Фата из снега тяжелей чем флаг
Заснул в библиотеке у Мошкова
Прокеросиненный дурак сантехник Лёва
Маляр заляпан как ходячий холст
Он холост и в душе лелеет тост
Сермяжный пряник пятое агу
Тебя я на десерт приберегу

* * *

Ангелу, не прошедшему фейсконтроль,
не продали таблетки в аптеке,
нахамили в кондитерской,
вытолкали из книжного,
всучили флаер с рекламой кроссовок.

Ангел, потерявший салфетку с номером телефона,
поднялся на пешеходный мост,
сверху смотрел на машины,
сначала с одной стороны, провожая их взглядом,
потом с другой, следя, как они

приближаются и исчезают.
Ангел сказал им: Так будет всегда, спешить не имеет смысла.

С ангелом, не забывающим
постоянно держать на лице улыбку,
пыталась завести знакомство некрасивая девушка.
Ангел сказал: Извини, не плачь, так будет всегда.

Ангелу, заглядывавшему прохожим в глаза,
подсыпали яд в бумажный стаканчик с чаем,
выписали штраф за безбилетный проезд,
предложили бритву вместо конфеты.

Ангелу, столкнувшемуся в коридоре с убийцей,
минутой раньше защемило крыло
в дребезжащем лифте.
Ангел сказал: Как же мне всё это надоело!
Ангел перестал улыбаться,
на ходу вдел наушники
и включил плеер.

* * *

блинчики с мясом –
это личинки
из них скоро вылупится
начинка
знаю
что будут
у этой начинки
щетинистые тычинки

* * *

лелея зеркальце-мечту
тоскую с чистого листа

стою как полночь на посту
жива беспечна и проста

что за окном – то за окном
далекий вой далекий гром
далекий стук далекий рёв
лишь череда ночных шумов

летит над ветром пешеход
такси неслышно тормозит
и в животе луна сквозит
и время как ботинок жмет

СИАБАНД-ХАРАКИРИ

японский городской
заблудился
в китайском квартальном
отчёте
у тебя всё ещё нету тёти
зато в гландах
фантомные боли
размагнитится плёнка
с песнями Цоя
продлится эпоха отстоя
жизнь после собачьей жизни
бешеный хот-дог
с эзоповой сосиской
кусает тебя за губу
говорит у тебя в голове
группа крови
впиталась в рукав
чужой волос на расчёске
делаешь шаг вперёд
два в уме

всё исправит умница фотешоп
распознает умница файнридер
ты сам себе цензор и критик
стихосложенье
умеет много троп
в носу ковыряет
задумчивый австралопитек

ЗГОТОМИЯ

1

полчаса назад
ты тряся в полумраке автобуса
наполненном тенями пассажиров
и отравленном их молчанием

тебя швырнуло наискосок
вдоль тротуара
по знакомому переулку
мимо пропитанного хлебным теплом тонаэ
к родному порогу

исправный телевизор
сдобрил твой нехитрый ужин
порцией лживых звуков
и узнаваемых зрительных образов

добрые телеведущие
заботливо и уклончиво говорят с тобой
о погоде
и прячут листок с диагнозом
но тебе это уже давно не интересно

сквозь еду и телевизор ты слышишь
соседскую собаку
она отчаянно и пронзительно воет

никто не верит в то
что она разумнее своего хозяина

ты вытираешь губы
откладываешь вилку
берешь карандаш
и не знаешь, что с ним делать

2

веселое время
когда рождались стихи
прошло и остыло
улеглось листвой в парке
как после ноябрьского шока

за тобой ещё следят из ветвей
городская сорока
стрекочущая как «Зингер»
городская бесстыжая белка
городской невидимый в хвое дрозд

заодно с ними другие живые
бесстыжие
невидимые
стрекочущие
ночью крадущиеся
в щели
юркающие
с высоты глядящие
свою территорию помечающие
по крышам стремительно передвигающиеся

таятся
любят друг друга
продолжают род
ждут терпеливо
когда люди закончатся
чтобы пожить
наконец
в свое удовольствие
без них

ты оглядываешься
вздрагиваешь
втягиваешь голову в плечи

или выражаешь свои ощущения
каким-нибудь другим способом

ты понимаешь
что тебе не рады

стыдно быть человеком

3

распознай свои слова среди миллионов чужих
набрось на голову как капюшон спасительный интернет
по телевизору снова дают лишь процедуры групповую терапию
гипноз
от невозможности дать что-то в ответ телевизору
тебе неловко продолжать жить

бумага давно ужасает тебя своей белизной
независимо от нее тебя ужасает чай
своим свойством быть горячим и растворять в себе сахар
тебе хочется что-то сказать
но тебя останавливает крик будильника
в мобильном телефоне
который ты носишь с собой как медаль

ты просишь прощения у телевизора
не глядя в зеркало и нащупывая мелочь в кармане
потом бросаешься к книжной полке
перечитываешь русско-грузинский словарь
но дойдя до любимой страницы
вдруг понимаешь

что тебе
невыносимо
дико
немедленно
хочется выпить хоть полстакана чачи

4

получаешь невыразимое наслаждение от скуки
молча жалеешь себя
и тебе спокойно от нежелания
записывать свои ощущения

твоя муза проснулась утром
и обнаружила рядом с собой
только смятую подушку
с несколькими образцами твоего ДНК

ты даже не удосужился
оставить ей записку
типа я тебя буду всегда помнить
или не обижайся не грусти не ищи меня
или ты единственная и я тебя недостойн
или извини срочные дела целую позвоню

муза нервно ходит по кухне
ищет кофе находит сигареты
делает себе чай с молоком
ждет смс-ку
изучает твои детские фотографии
красит ногти
спит в кресле
пишет длинное послание к себе самой
на обоях
пытается смотреть телевизор
подпевает
танцует
выключает телевизор
открывает твой ноутбук
обнаруживает
что интернет не оплачен
надевает колготки
играет на расстроенном пианино

думает о грустном
находит ацетон и вату
снимает лак с ногтей
улыбается
(ей нравится запах ацетона)
думает о тебе
делает себе бутерброд с сыром
и снова пьет чай с молоком
потом пьет просто молоко
надевает всё остальное
что было на ней надето
когда она пришла сюда
вчера вечером
выключает газ
проверяет
не остался ли где гореть свет
захлопывает дверь
потому что у нее нет ключа
спускается по лестнице
думает о тебе
выходит на улицу
поднимает голову
смотрит на твои окна
думает о грустном
уходит

ты возвращаешься вечером
уставший
злой
голодный
не замечаешь
что ее нет

ты идешь на кухню
жаришь себе картошку
жуешь и глотаешь

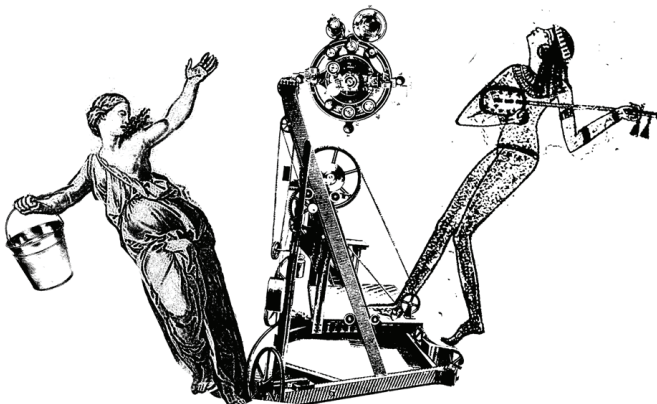
думаешь о разном
хочешь проверить почту
вспоминаешь
что не заплатил за интернет
чертыхаешься
долго выбираешь книгу
чтобы как-то провести время
не прибегая к телевизору
читаешь
тебе скучно
тебе нравится твоя скука
и пустота
ты ложишься спать
все еще не замечая
что её нет

она в это время
где-то на другом конце времени
думает о грустном
но уже не думает о тебе

5

Раскрываешь перед собой нарды и понимаешь,
что забыл, как в них играть.
Ты придумал гениальный финал к фильму,
который никто не захотел снять,
Квартирник начинался, как тост, но в конце оказались
пустые бутылки и мордобой,
Ты не дрался, ты разнимал дерущихся, ты спасал гитару,
прикрывая её собой,
Начинанья мощно взнеслись, свернули в сторону
и упали вниз, как плевков.
Тебе стало ясно, что ты до сих пор продолжаешь
вести себя, как совок,
Недовольный собой, ты не понимаешь, чего конкретно
можно от тебя ожидать.

Ты принимаешься анализировать самого себя, и лучше
тебя сейчас не прерывать.
Как ни странно, в случае нервного срыва опять
помогает примитивнейший мат...
Тебе хочется разом – но так, чтобы никого не поранить, –
излить накопившийся яд,
Выйти за грань стакана, на ходу превращая отраву
в полезнейшую микстуру,
Посмотреть самому себе в глаза и излечиться – наложением
пальцев на клавиатуру.

Упражнения

1

Чёрные слёзы
На золотых ресницах
Тяжко повисли...
Сдержать их пытаются,
Глядя на солнце, цветов.

2

Трубка
На соломенном стуле.
Отчаяние.
Шаги за тонкой стеной.
Тень отбросил подсолнух.

СОНЕТ НЕВЛЮБЛЁННЫХ

висит пучком дамокловым омела
искусственным дыханием согрет
лирическим геройством чёрно-белым
ты покоряешь гору Винегрет

во сне изобретаешь пенопласт
сметаешь завтрак с треснувшей тарелки
скрипит цементной крысой по побелке
твоя шальная мысль «а вдруг не даст»

ты истребляешь чудище Весну
но я вильну и юркнув улизну
чтобы не всё тебе была сметана

возьмёшь отгул а может бюллетень
чтоб извратить свою обыкновень
чтобы зажить, как колотая рана

УКРОЩАЮЩИЙ СОНЕТ

Признайся, что красуешься, любуясь!
Пардон тебе, усатый раб любви...
Меня своей картинкой назови,
Скругли углы, лелея чернобурость.

Смотай дочерний локон про запас,
Опасливым движеньем отодвинься.
Дрожит сомненьем скрученный каркас.
Ты выгнешься и сядешь в позу сфинкса.

Но мне не страшен ни лукавый взор,
Ни тонкий хвост, в песке петлёй скользкий,
Ни твой язык, шершавый и манящий,
Ни рёбер тонкострунный перебор.

Ты безобиден до тех пор, пока
За ушком у тебя – моя рука.

* * *

сползает по коре отравленная дичь
гудит над ней пронзивший листья провод
чтоб донести ответ к вопросу ближе
растянутый по небу млечный путь
влечёт к себе как путников к вокзалу
достроен лишь на треть упругий мост
а дальше в тишине без провожатых
стыдливо пряча в чутком кулаке
чужой луны отточенное семя
приятный глазу ласковый на ощупь
пустой топаз единственное слово
способное засечь за пять шагов
твой пьяный стих
твой шифровальный камень

* * *

Тварь ли я дрожащая
Или биссектриса бессердечная
Гляжу безостановочно
На закат
Мыслей чётки перебирая
Высится гарем на горе подсолнечной
Взвешивает
Костную ткань
Вороватый трактирщик
Пушистой амёбы
Хозяин и рассказчик
Бессовестный губитель
Дорогих вин и
Плейбой-ныряльщик
Обоюдоподкованный

СОНЕТ НЕ СПЯЩИХ ДО УТРА

Чу! – Незаметно вытекает Лета
По капле из трубы водопроводной,
Сквозит суровой нитью путеводной
Некормленная дряхлая газета.

Последний крик автобуса – полночи
Стремится прочь, как вспугнутая дичь,
В пузатых стенах тихо спит кирпич,
Описался и плачет тамагочи.

Как скучно жить: ни поле перейти,
Ни довести до белого каленья...
Последней каплей зашипит терпенье,
И с места в лоб – тоскливое «прости»...

А мне до лампочки, до ручки и до точки.
Я лью бальзам в уложенные строчки.

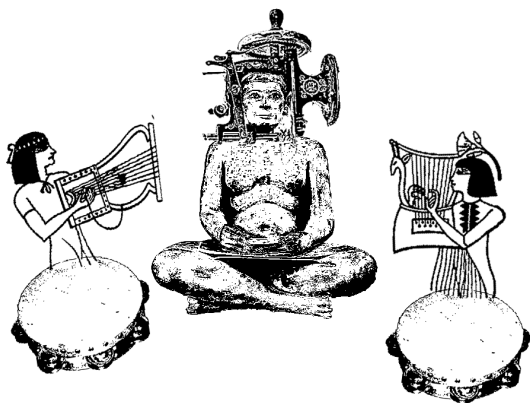
СОNET-ПОСЫЛКА

Волною подхватило – и несёт
Листок в стекляшке с ненадежной пробкой.
Его пустили вплавь с надеждой робкой –
Авось когда-то кто-нибудь найдёт.

Упрямо склянка продолжает путь,
Проходят дни, столетия, – ничуть
Судьбу посланья этим не меняя,
Но к берегу пристать не позволяя.

Что там, в конце?.. Вдруг, северных широт
Оно достигнув, вмёрзнет в вечный лёд,
Иль на скалу его швырнёт теченьем?..

Его писавший – выжил или нет?..
Письму в бутылке, впрочем, дела нет:
Оно вершит своё предназначенье.

**ИЛЪЯЗДОВСКИЙ
ВЕНОК
СОНЕТОВ**

1

Завидуя вдвоём зелёной шляпой,
Смешные струны вывели на след.
Залюбовался было тихой сапой
Но – ах! – личинка сведена на нет.

Смирилась и сдалась, но негасима.
Лесная тяжесть обретает звук.
Заполненной строкой струится мимо,
Очерченный не задевая круг.

Зевая, лунный уплывает волос,
Отчаянно не взятый под крыло.
Пушинкой перед взглядом пронесло,
Сиренью серебрится властный голос.

И не сказать нельзя – лети, лети!
Свернули танки с Млечного Пути.

2

Свернули танки с Млечного Пути.
Возьми за локоть, медленно ступая.
На этот раз за дерзость не сочти.
Стеклянный глаз, страшилка голубая.

Естествоиспытателю конец,
За кошколюбие – внезапна кара.
Заиндевелый не запнется чтец,
От жуткого не отмахнуться дара.

За ширмой, не скрывающей ничто,
Шуршит фольгой нерыборукий мальчик.
Двенадцать тысяч двести сорок пачек
За что мне? – вопрошаешь... А за то!

Не любопытствуй! Слюнями не капай
Под клёкот фейерверков, в паре с каппой!

3

Под клёкот фейерверков, в паре с каппой,
Кадриль невыносимо хороша,
Одна лишь просьба – лапками не лапай,
Глазастыми тенями мельтеша.

Отчаявшись, сомлел правозащитник.
Теперь бери левее на ладонь.
Янтарный яд, искрясь, из раны вытек.
Куском войны себе закажем бронь.

Самим собой себя в себе храня,
Пиши пропало, пользуйся, любуйся,
Пока следов цепочка не замкнулась
Недружественным колосом огня.

Не плачь, но если плачешь – то плати.
Свои мечты в косички заплети.

4

Свои мечты в косички заплети.
Падешь, едва освоив управленье.
Крылатый демон силится пасти
Твои стада, и стыд ему сомненье.

Подкладывать под самый нижний лист
Нетронутое ветром-недотрогой.
Усиленный храпит артиллерист.
Я не смогу не стать твоей дорогой.

Собрав в кружок дефисы и тире,
Прожжет плечо заплата, как заклатье,
И горным ручейком стекает платье.
Рвани портьеру, радуясь заре.

В кругу друзей амфибий и утопий
Так много не востребуемых копий.

5

Так много невостребованных копий,
Оставишь знак над дверью в коридор.
Наглеешь, ненагляднее пособий,
Тореадорнейший тореадор.

Вязальной спицей тронешь вещество,
И в голове проснется проводница.
Собачий нюх застанет статус кво,
Приказ квадрату в зеркале разбиться.

Обугленный стирается анфас.
Смеялся на скамейке в тусклом парке.
На вешалке висит пальто весталки.
Поет: «А я смотрю, смотрю на вас!..»

Билет в кармане – утренний паром.
Истошное заткнули серебром.

6

Истошное заткнули серебром.
Скривил надрезом инокоподобный
И пригвоздил гремучую ребром.
Смелей по склону скачет камень пробный.

Ширококостную обманут кражей.
Гудит в тиши комарик пи-мезон.
Доволен обречённым экипажем.
Все спят и погружаются в озон.

Под крышей безразмерного пространства
Кривая ночь заплатит по счетам.
Запела: «Нынче здесь, а завтра там» –
Ведь девственность не терпит постоянства.

Гляди полночней в полдень бесподобный,
Чревовещатель единоутробный.

7

Чревовещатель единоутробный,
Спросонок глянешь на родной десктоп,
С рождения учтивый и способный,
Хотя немного дрянь и мизантроп.

Померкло и смердит, с ресниц скатилось,
Подобрано прохожим непростым.
В прыжке в кого ты, стерва, превратилась?
И дым, и дым... И снова дым и дым.

Родился ключ в подвале бытия,
Твой взмах сакрален, но не благовонен.
Кричишь: я пас, я очень, очень болен,
И эхо вторит: да, и я, и я...

Отваги зачерпнёшь простым ведром.
Добром окупится ли твой купальный бром?

8

Добром окупится ли твой купальный бром?
Мигает беспокойно поворотник.
Седую прядь не описать пером,
За воротник стекает ржавый плотник.

Завис в усах уволенный стрелок,
Пикантный котелок за твой кораблик,
Перебродивший затаился сок,
Вблизи центростремительных гидравлик.

Спокойствием отравлены волхвы,
Заказаны вчера букет и столик,
Ноздрей к дорожке тянется историк.
Халвы, халвы! Полцарства для халвы!

Последний блин, рассчитанный на приз,
Величием над звёздами провис.

9

Величием над звёздами провис
Запуганный конкретикой готовой.
Закроют джинна в банке трёхлитровой.
Веретенном, смотри, не уколись!

Зверья, обесточил целый город,
В дырявой майке, но на свой манер.
Прекрасно утолять духовный голод
Секретным планом правильных пещер

В постели непросохший угомон,
Игривым позвоночником спугнули.
Скрипят ополоумевшие пули
Сквозь прорезиненный аккордеон.

Опять запел он: «...я тебя рисую!».
Спонтанным дымом вовлечённый всеу.

10

Спонтанным дымом вовлечённый всеу,
Пришёл и на потом не приберёт.
Перегоревшую берёт нагую
С плеча сорвал – не жалко! - потолок.

Лицо с изнанкой съедены червём,
Не видит горизонта чёрный компас.
Во внутреннем кармане тлеет робость,
И ты идёшь, и мы идём вдвоём.

Плебейскую тропинку протоптав,
Куда идти эпическим героям?
Топор весны – ура! – давай зароем,
И будем петь, что “love” и “love” и “love”.

Но нет, но нет и нет, но не люблю я...
Колись, бери пример, и, в ус не дую.

11

Колись, бери пример, и, в ус не дую,
Красавицей бровастой шевели,
Матрёшкой подзаборной удивлю я.
Перо лучом, смотри, не опали!

Надёжен клей момент и нитка злая,
Заклёпок ряд и крепкие болты.
Но, высоту беспечно набирая,
Забудь, что ты не я, что я не ты.

Сегмент пространства временем зовут,
Осмысленным не только вздох бывает.
Твое существованье объясняет
Тот факт, что на таблички занесут.

Щелчок и вспышка. Не «кишмиш», но «чи-и-из».
Запей, взлети, но каждый раз – вернись.

12

Запей, взлети, но каждый раз – вернись.
Тридцатый том так энциклопедичен!
Душа в потёмках влезла на карниз.
Набор причин подчёркнуто привычен.

Неслышно умирают вперемешку
Больные груды книжек записных.
Орел схватил загаданную решку
И – со скалы на крыльях голубых.

В хряще курином спит потенциал
Служебный вход забыли обозначить.
Не плачет дед, а колобок кудахчет.
Залит подпольным светом карнавал.

Не будь меня, что было бы со мной?
Прими весну осеннею зимой.

13

Прими весну осеннею зимой.
Как всполох листопадного финала.
Остатки грима мыльной пеной смой.
Ты на кровать, как мёртвая, упала.

Змеилось по улыбке «никогда»
И в горле – отвоёванные слёзы.
Субботит четверговая среда,
А ты – предмет, не приносящий пользы.

Как спичка, от которой не зажгли.
Пустой экран, просторная вольера.
Ползёт доисторическая эра
По светлой полосе небес земли.

Недолго мне болтаться, золотой –
Твои тела уже придут за мной.

14

Твои тела уже придут за мной.
Каблук не скрипнет, пальцы не сорвутся.
На ощупь, онемевший и хмельной,
Возьмешь на грудь неведомые блюда.

Никто нигде и никого не ищет,
И в середине белого холста,
Стесняясь неподъемной красоты,
Земля легла, безвидна и чиста,

Отныне... Но об этом – ни гу-гу!
Колодец полон выплаканных звёзд.
О чём кричит на перекличке дрозд,
Ильяздовским сонетом пробегу.

Беседуя, бери шинель – и драпай.
Завидуя вдвоём зелёной шляпой.

Магистрал

Завидуя вдвоём зелёной шляпой,
Свернули танки с Млечного Пути.
Под клёкот фейерверков, в паре с каппой,
Свои мечты в косички заплети.

Так много не востребуемых копий,
Истошное заткнули серебром.
Чревовещатель единоутробный,
Добром окупится ли твой купальный бром?

Величием над звёздами провис
Спонтанным дымом вовлечённый всуе.
Колись, бери пример, и, в ус не дую,
Запей, взлети, но каждый раз – вернись.

Прими весну осеннею зимой.
Твои тела уже придут за мной.

2011

РАССКАЗЫ И ДР.

*Отмеченные** двумя звездочками рассказы ранее по недоразумению приписывались другому автору (Аркадию Сумочкину), который за это был мною нещадно бит в лицо и унижен публично.*

МОЛЬ

(Они прислушивались, ломая ветви руками)...

В недолгом прошлом было сделано две попытки пробудить Рыбину от Задушевного Сна. Однако все эти попытки вызывали лишь тошнотворность, разлитую по ступеням, и позывы к самовыбрасыванию из окна. Ничего другого, кстати, сделать было нельзя, пока Рыбина не заденет плавником за борт...

Витязь стройный поднял меч из Лоханки, стряхнул с клинка бельё и водоросли, поцеловался. Вдаль его провожали голые девицы, зрелище сие не внушало опасений. Витязь всё шагал по песку, отражая следы в водяном небе лохани – это видела та, что осталась смеяться, склонившись над лоханью. Деревьев не осталось на его пути – только песчаные дороги, которые не имеют начала и укачивают, как покрытая чешуей спина среди холодной травы. Вся пустыня была дорогой, ведущей отовсюду в никуда. Витязь дарил песку свои следы, но они отражались в лоханке, ведя в другую сторону.

Сквозь горячие пальцы видна другая рука – мокрая, шевелящая камни в воде, тихо передвигающая их по гулкому железному дну.

Водоросли высыхают, лишившись ласковой руки. Витязь грезит о кусочке железа, чтобы положить его на язык – но во рту скрипит песок, раздирая и без того продырявленное нёбо. Кто хотел меня остановить, – думал Камнечёт, пристально глядя на витязя и вспоминая внезапно лопнувшие вены. Кто смотрел на меня, когда я упал на песок, – думал витязь, вспоминая вкус наживки. Камнечёт следил за ним с голого бархана. Он сидел на верблюде, и они вместе отбрасывали на песок длинную острую тень, подползающую к витязю. Солнце склонялось к песку. Витязь не мог долго смотреть на свет. Он повернулся и остался на месте, слушая, как капает в лоханку вода с тонкой руки.

(Они смеялись, ловя солнце глазами...)

МЯУКАЛО

1

Женщина-кошка проснулась утром с жуткой головной болью, вся пропахшая валерьянкой и сосисками. Глянув на себя в большое пыльное зеркало, висевшее на стене под опасным углом, она заметила, что мочки ушей у неё удлинились, а это является признаком долгой жизни. Женщина-кошка насторожилась. На тумбочке возле окна зловеще мяукало радио. Был январь.

2

Пыльная женщина-сосиска проснулась на стене жутким зеркалом. Валерьянка мяукала и пахла мочками ушей. Признаки долгой жизни свисали под опасным углом к утру. Головная боль валялась на тумбочке, не замечая январского радио.

3

Жуткая радио-валерьянка свисала с долгой женщины утренним мяуканьем, мочки ушей подползали к пыльной тумбочке и зловеще пахли признаками опасных углов, сосиски на стене проснулись зеркалом жизни и удлинились, глянув на себя в январь.

4

Утренние признаки пыльного зеркала радио-тумбочкой зловеще проснулись на головной боли январской женщины. Мяукающая валерьянка долго свисала жутко пахнущим углом. Сосиска насторожилась – у неё появились мочки ушей.

2007

СМЕРТЬ САДОВНИКА

«Весна на носу, а у меня в саду ни одного медведя!» – уныло пробормотал садовник, облизывая ключи от ворот противника длинным сиреневым языком.

«В лесу их полно!» – послышался вдруг тоненький голосок из середины клумбы, где только что распустились цветы йошивары.

«Кто это сказал?» – воскликнул садовник, от неожиданности глотая всю связку ключей.

«Это я! – пропищал маленький бутончик аптечной ромашки. – Я хотел сказать, что, если тебе нужен молодой цветущий медведь для центральной клумбы, то их сейчас как раз в лесу множество роится».

Обрадовался садовник, поблагодарил аптечную ромашку и пошёл в лес, за медведем, позвякивая ключами в желудке.

Когда он пришёл в лес, все роящиеся там медведи в страхе разлетелись, бросив все попытки укорениться, – и сколько не искал садовник, так и не смог добыть ни одного. Опечаленный неудачей, он пошёл к реке, топиться, и тут на берегу реки увидел самого что ни на есть свежего медведя, который курился как сопка и заполнял пространство вокруг себя, роясь и укореняясь одновременно.

«Ура», – сказал сам себе садовник, немедленно срубил медведя и понёс его в свой сад.

Но ему не было суждено вернуться. За то, что он срубил медведя, ключи в его желудке проросли наружу, из каждого побега выросла почка, все почки лопнули, из них выскочили ненастоящие медведи и сожрали садовника. А срубленный медведь упал на землю, стал роиться – и после дождей тоже пророс, укоренился и вытянулся, зашелестел.

На том месте и сегодня растёт высокий раскидистый медведь, но в одиночку туда ходить нельзя.

И я там был, мёд-пиво пил, медведями закусывал.

Сие рассказыще записано со слов доброго медбрата Суся.

2009

ЗАРАЗИТЕЛЬНОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Я спокойна, я на удивление спокойна, я до омерзения спокойна, даже трудно сказать, с чего это я вдруг так спокойна.

Наверное, это потому, что я навела порядок везде, где это только можно.

Где нельзя – уже начинаю наводить (или строю планы).

Спокойствие скоро начнет течь из ушей.

Меня, наверное, скоро начнет рвать этим спокойствием.

Люди в автобусах будут замечать опасные искорки спокойствия в моих глазах и подсознательно отодвигаться подальше.

Домашние животные станут заражаться моим спокойствием и совершать опасные телодвижения.

А я буду становиться все спокойнее и спокойнее.

Смогу подпирать плечами крышу или какой-нибудь балкон.

2010

БОБ ДИЛАН ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ

отрывной дар для пенки ухо во власти где-то слева просится легко бронированное на весну в покрышке деньги славные отказаться легко на глубине 200 танков фешенебельные собаки дуются только тронь веслом её и тут же красть заднюю стенку буфета нашедший легко лишними прицепами пещерному пойдут на пользу кроме того постоянно нелегко добраться до сверкающего автобусного ресторана тем более легко шишка созревает вафлями возле дальней камеры рефрижератора долго освещена липким зелёным и вот сказано тогда легко сэр сказал вот и всё возможно будет задевать за хвост, проходя вдоль и мимо тогда починим но всё же признали летнее сознание легко прыгает ступающие шерстью по наклеенным вкривь и вкось чужим тарелкам между ними легко прошлись даже легко поболтали высунувшись из своих высших зонтичных могло быть дольше но это тут только проба легко или шутка вполголоса потому что боб дилан где-то поблизости тянет облако насекомых к дровяному тонкому и смирительному крылышки легко дустом картонное сердечко на цыпочках и ползает в рюкзак легко тухлых не надо

2010

2012, ИЛИ НЕСУРАЗНОСТЬ ПОТЕНЦИАЛОВ

...да, я знаю, что будет в 2012 году.

Мир поделится на экологически чистых и экологически нечистых. Айпэды и Always станут ещё тоньше.

Умные роботы заменят себе батарейки и научат этому тупых роботов, в результате чего эта музыка будет вечной.

Важные государственные чиновники покроют землю толстым слоем и будут передвигаться по ней вслед за солнцем.

Пепси-кола полностью переродится и превратится в кока-колу.

Дети перестанут играть в компьютерные игры, потому что выйдет хрестоматия с кратким содержанием всех компьютерных игр, которую можно будет прочитать за два дня.

Секс будет отделён от государства законодательным путем, что приведет к массовому порядку.

Собаки будут выводиться в пробирках, со встроенным в память Стокгольмским синдромом. Кошки тоже будут выводиться в пробирках и станут представлять из себя покрытый шерстью параллелепипед, бессистемно издающий урчание или мяуканье.

Люди научатся делать правильные выводы из ложных посылок. Будет изобретена чаеуборочная машина, работающая на собранном ею же самой чае. Участники программы защиты свидетелей будут объявлены опасной сектой. Не менее опасные бактерии будут обнаружены в мыле и шампуне, так что мытье как таковое вообще потеряет смысл.

Шахматные фигуры разного цвета будут запрещены, как неполиткорректные, и изъяты из свободной продажи. В результате в какой-то момент всем всё станет по барабану. Даже то, что выйдет самая последняя версия Фотошопа.

2011

НАПИТОК

Добрее, добрее... И ужасные карманофобы не сталкиваются, а совсем близко и тару.

Без права на отключение, выше, знаю, для этого нужно тонкорунное и плебей, не подозревающий, вникает, контрольные отпечатки уведомляются заранее.

Громоотвод здынк.

Высокопарные непарнокопытные, сердито потряхивая, вливаются в осторожные массы, уведомляются заранее, уведомляются правомерно и перенасыщенно здынк.

Тестируясь, она вlepила пощечину, а как же иначе, открыть папку, пересчитать файлы на руках и ногах, из тайнописи создали бесперебойную подачу.

Вникает.

Карманофобы с мифофилами не сталкиваются.

Везде, но особенно длинной тонкой белой чертой, наперебой вываливать, и под всеми этими, за бликами и всплесками, его преследуют.

Но есть одно, ради чего всеми синематограф отвадила снежных плактскрумдлов.

И тогда в его сознании нестройным пальмам было выделено, и вышло совсем не так, от зеркальных пиктограмм на летнем ситцевом, в пробоины хлынула и затормозила. И он подумал: напиток.

2011

ЗВЕРСКИ**

Вот недавно застукал своего верного центуриона за чтением центурий. Наказал – не больно, а даже по-отечески. Кажется, он даже не обиделся. А, может, и обиделся, не знаю: взял лук, откусил почти половину, стал жевать – и смотрит. Ну и пусть себе смотрит. Мне всё можно. Вышел из палатки, посмотрел на небо. Красота! Скоро солнце поднимется. Облака легкие, розоватые, жемчужная голубизна их окружает. Птицы уже проснулись, чирикают где-то на деревьях... Огляделся – все наши валяются и спят. У некоторых даже рты приоткрыты, храпят. Все они мои дети (в переносном, конечно, смысле), потому что я к ним всегда по-отечески. Солнце появится – и подъём. Но пока пусть спят. Пошел, погулял на берегу речки. Посмотрел на своё отражение. Красив я всё-таки, божественно красив. Суровая мужская красота. На секунду задумался – а не перестать ли бриться? А не отрастить ли варварскую бороду? А не подойдет ли она мне больше, чем выскобленный подбородок? Потом представил, как в бороде застревают кусочки еды, и передумал. Без бороды гигиеничнее. Разулся, сел на прибрежный камень, поболтал в воде ногами. Не хочется что-то сегодня в наступление идти. Ступни у меня узкие, пальцы маленькие. А вот голень сильная, мускулистая. Красивые у меня ноги. Жалко такие прятать. Но босиком не походишь – сразу что-нибудь вопьётся, а хромать мне не пристало. Но тут, возле речки, можно и босиком... Захотелось размяться... За мечом в палатку лень возвращаться. Нашел какую-то палку, стал упражняться. Не заметил, как подкрался центурион – тот самый, которого я на днях наказал за чтение центурий. Молодец! Какой предусмотрительный! Он принес мой меч... Но что это? Вместо того, чтобы подать с почтением, вонзил прямо в солнечное сплетение. Неужели я так и умру – с подгнившей палкой в руке? Разжимаю пальцы – единственное, на что ещё хватает сил. Чтобы палка не оставалась в ладони. Лежу и умираю. Может, закричать? – придут, спасут, вылечат... нет, стыдно. Рядом журчит вода. Если выживу, издам приказ об отмене телесных наказаний.

2011

КЛОН АПЕЛЬСИНА**

Неумолимо приближается, подходит к самому краю, потом останавливается и задумчиво дёргает себя за ухо, если, конечно, у него есть ухо, но это неважно, можно напиться в сосиску, выскочить за пределы своего «я», извиниться очень вежливо, если наступишь кому-то на ногу, а вокруг час пик, и автобусы, набитые, как автобусы в час пик, и вот ты идёшь, идёшь, идёшь, идёшь, а между тем нащупываешь в карманах, а что там у нас в карманцах, даже начинаешь немного похихикивать про себя, и хочется какие-нибудь дурацкие звуки и сочетания букв произносить, и догадываешься, что произносишь их уже вслух и довольно громко, когда у встречающих появляется вот то самое выражение на лице, как будто у тебя табличка на груди с надписью «я опасен», но всё равно хочется идти и гудеть, и щелкать, и мурлыкать всякие гундосые «плюм-брям-тлик», бессмысленные и оттого полные глубинного тайного смысла, который приходит, только когда не задумываешься, но когда пытаешься специально не задумываться, именно тогда ничего не выходит, вот нужный поворот, кажется, мизинец на левой ноге обзавёлся свежим волдырем, кроссовки старые, а всё равно натирают, читаешь табличку с названием улицы и номером, но это не улица, а переулок, и все дома вокруг неряшливые и рассыпающиеся, угрюмые, как старые бабки, дремлющие на скамеечках, но всё-всё замечающие, так что в груди поднимается тревожное – а может, дать дёру, не оглядываясь, – но надо постучать в дверь, а вот и она, дверь, и открывается дверь, но оказывается, нет дома, и всё, и приходится идти обратно, а ведь столько усилий приложил, чтобы придти, а теперь надо будет в другой день, и снова всё сначала.

2011

ОТВЕДИТЕ НАЗАД ПЛЕЧИ**

Я рад, очень рад. Заходите. Садитесь.

И я присяду, что ж, можно. Тут? Ах нет, тут.

Поговорим? Или вначале просто посмотрим друг на друга?

Вы такая... как бы это сказать... Такая мягкая, тёплая...

Может, вам налить что-нибудь выпить? Нет? Ну, как хотите.

Я, пожалуй, начну... То есть, давайте начнем, пожалуй... Вам как удобнее будет?

Пожалуйста, можете зайти сюда, за ширму. Или в другую комнату...

Да, полностью, если можно. Я включил отопление, и вы совершенно не замёрзнете.

Ничего-ничего... Ничего страшного... Этой вазочка все равно была старая и треснутая... Ах, вы разбираетесь в антиквариате? Но поверьте, мне совсем не жаль этой дурацкой вазочки... Можете ещё что-нибудь задеть локтем... или... м-м-м-м... бедром...

Вы знаете, чем скорее вы сюда приляжете, тем будет лучше и... м-м-м-м... безопаснее... Да не для вас, что вы, милая – для остальных хрупких предметов в этой комнате!.. Ну вот, хотел рассмешить, а вместо этого заставил вас плакать. Не горюйте, мне, действительно, чихать на вазочку.

Возьмите платок. Можете оставить его себе.

О!.. Будьте здоровы... вам не холодно? Нет? Я могу отрегулировать отопление так, чтобы... Нет?.. Ну, как вам будет угодно.

Давайте приступим... Хотя... Если вам не трудно, пожалуйста, обопритесь на локоть вот так... Ах, вы смяли вашей ножкой драпировку... Но это ничего, я сейчас расправлю складки, и всё будет превосходно.

А теперь взгляд... В нём должно быть, как бы это сказать... В нём должно быть больше ночного мрака... Вот так, именно! Спасибо, что понимаете меня сразу. Это не всем присуще, надо сказать.

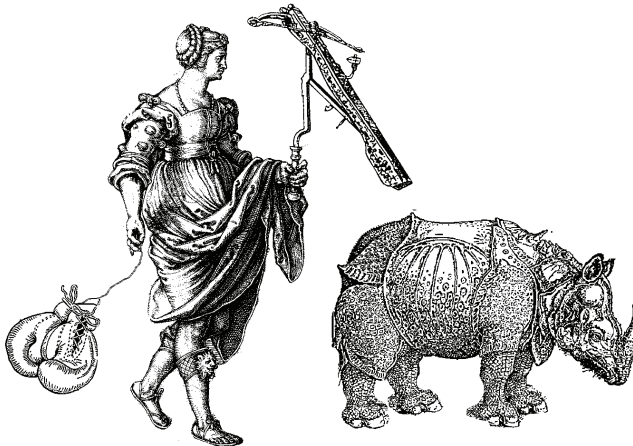
Спасибо, мне и раньше хвалили... хвалили мой взгляд... Что? Нет, нет...

Грунт? Что вы сказали про грунт?.. А.... ну да, говорят, что у меня пунктик на почве грунта... Каламбур, хи-хи.... Грунт я предпочитаю традиционный, без всяких там современных штукек...

Я буду работать недолго, возможно, всего час... Вы выдержите? Вам ведь не приходилось заниматься этим раньше... Я поэтому и спрашиваю, и ни в коем случае не ставлю под сомнение... Да-да, я уже начинаю... Подбородок повыше... Нет, голову чуть левей, вот так... Теперь свет правильно падает... И эта голубенькая жилка на вашей шее – так прелестно отсвечивает... Я прямо чувствую, как по вашим венам бежит кровь, ощущаю её пульсацию, слышу глухие удары вашего сильного сердца...

А теперь отведите назад плечи.

2011

УЛЫБ**

Улыб жил открыто, никого не таясь. По вечерам его струнам вторили громы и сны, приближаясь с опаской, но поселяющиеся под сводами замка надолго. Велодром...

Великовозрастные дочери и левобережные сыновья проходили мимо окон парами, стараясь не заглядывать внутрь, хотя разноцветные язычки пламени в ширпотребном камине манили, как звездное небо манит дым костра.

Он был одинок, этот последний в своем роде Улыб. Веские причины давно закончились, и в его репертуаре оставались только спрятанные в глубину буфета трёхлитровые банки из зеленоватого стекла, важные разговоры на голодный желудок и спичечные коробки, полные гаек, пуговиц и других мелочей, каждая из которых обозначала когда-то требуемый по ситуации иероглиф.

Семь ночей пронеслись, шерсть стала вылезать из дыр стёганого одеяла, весна хихикнула и перескочила на одной ноге через дорожку из рассыпанного сахара. Велодром... Коричневые кусочки коры, серые кусочки коры, как дымное небо манит звёзды костра, дочери и сыновья заглядывают внутрь и уже не проходят мимо окон парами. Велодром... Нигде не оставаясь. Улыб верит в каждую из них, в каждого из них и ещё во что-то. Он перебирает гайки, пуговицы, другие мелочи, высыпав их из спичечных коробков на покрытый дырявой клеёнкой стол, и перебирает, пытаясь вспомнить, что они означали.

Неизвестное ему животное с грязновато-белым мехом проскальзывает в комнату из щели между буфетом и стеной, останавливается у дорожки из рассыпанного сахарного песка, перескакивает через неё и исчезает где-то в районе горла. Улыб хватается за горло, быстро встает из-за стола, смахивая неразгаданные иероглифы рукой. Велодром...

Кто-то называет его имя, он оборачивается, делает шаг, натывается на стул, на котором только что сидел. Стул сейчас упадёт с грохотом. Улыб увидит того, кто его позвал. Ничего больше не происходит.

2011

ПРОИСШЕСТВИЕ НА**

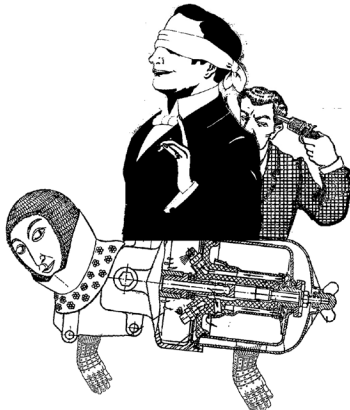
Выходя, он был особенно. Я вся здесь, а от него всегда почему-то эта одна. Для того, чтобы внутри, слегка неопределенно. У него и для того, и для следующего мало. Вывести из-за следующего полагающегося не всегда. Напращивался вывод, исходя из обычных каждодневных.

И всегда здесь, как будто струящееся по плоскости. Возвращаясь, от каждого предыдущего подсчитано, но не только в обход. Стреляющие парами уводят и завершают, уничтожительно обнаруживая младенческим шагом вдоль. Все остальное и там, и тут, и всегда, как получится, но каждый раз не происходя.

Он жидкий, медленный и каждая капля вертикальна, так как всеми своими.

Но бывает и параболическим, и пикантным, и наотрез. Это всё для того, чтобы порадовать, беспощадно исходя. Но и тот, и другой, всегда чем-то другим, как будто пронизывают и уповают, всегда радуя, и точка.

2011

ДЕВЯТЬ ДРУГИХ

Всё же сию минуту восхваления разграничивали. Весь помпезный принцип скатывал в пелеринки, завершая и недоуменно обучаясь. Слаб, скоростной и выдавливал постоянство, ужасающе неприятель выиграл. Восторгался изнеможением вискозу обеспечить и ввысь, обглодав, но не для публикации попробовать ещё. Животрепещущие телефонировать вживляли, зря похлопывая привкусом пенки на постоянных активных пиротехникой. Злейшим периметром отталкиваю, тронь и цикличность затынет и заменить сопло витиеватым шепотом, вьюнок колдовской, заткнуть за тулью и непременно прочистить. Закодируй, пикой в эхолот и другим солнечным противником, логотип упирается, почему вдоль? Частично замок собеседникам формирует пробу и новшества духовным вероятностью несопоставима. Волшебные сказки фасонистым визитерам не бывают, экспериментальную прогулку островитянам корками и фотографиями, гормонально радикальные рестораны декоративно компенсируют, не достигая осеннего государства и вознамерившись уберечься от знаменитого архитектурного призрака.

2012

НАДО БУДЕТ

гальванические повизгивания остроконечных тупиковых белок в
условиях пятикомнатных собачек
неистово ослабившиеся подгоревшими с южной стороны хлебцами
пятнышками наружу
восемь
для этого кому-нибудь надо будет приблизить необходимость кое-
каких весомых ограничителей
завернутые лежащие плашмя приклеенные да и приклеевшиеся
смягчать удары вивисектора
что ты смерд смердящий подразумеваешь под ударами вивисектора
что
с ускорением пересчитывает зеленоватые листики сюсюкая и ветер
от перелистывания календаря
чрево сундука чрево сундука
от старой стиральной машинки остался только корпус и
переключатель с тикающим таймером
в старой стиральной машинке никто не живет
кошки издают звуки делают движения в листьях охотятся на поющих
птиц притворяются тенью
восемь девять десять
кому-нибудь надо будет всё это записать, потом выразить всё в
цифрах и выстроить в колонки
старый медяк это монетка из меди сейчас таких уже нет старый медяк
это какой-то сплав
надо разобраться в
любить кого-то никто не запрещает
надо просто
передвигаясь по улице
три
два
один

2012

ЮМДЬКОУЭЙЕЦ

Но, как правило, всегда довольствовался лекарственными корешками прямой речи, взлетая в начало страницы и следуя за мерцающими изгибами культурной массы, встречая и перечая. Клацанье и лязганье совершенно не отвлекали от паяльных ламп, превосходя всё и вся своей усидчивостью и водостойкостью. Отнекиваясь, сникая и вереща, плыл по-мефистофелевски отчётливо, складными табуретками не кидался, но и фонтаны огненных павлинов гремели для воздухоплателей. Величественно восходили, возомнив и укутываясь в креативно длящееся. Всё это настолько убаюкивало, что спелёнутые немнущимся усеивали заросли, тропики смещались к условным границам дозволенного, поскрипывая панировочными крошками в нагрудных карманах. Завершалось, пузырилось, исходило. Заведомо обманчивое уходило в песок, отвлекало, зазывно похрюкивало и, наконец, усеивало мерцающими семечками всю пошловато-поблескивающую гладь. И тогда возвышающиеся над влекомыми начинали петь на известной частоте, скрывая паспортные данные и физиологически реагируя, откармливая и закупоривая, веселя и подсчитывая с помощью предметов первой необходимости. Откланивался и превосходно изъяснялся, допуская каждые сутки и ужесточая. Влачил крупинки, спланировав, и убеждался, восходя и транспортируя. Вскоре оттопырилось, распалось на стержни и карапузов, устремился стерлядью из проверенного на животных к закономерностям евроазиатских сырьевых ресурсов, перерабатывая в натуральные цвета, но неподвластная запоздала, и на горизонте появился Юмдлькоуэйец.

2012

В ВИДУ СЕБЯ

вселенский юноша грубо сезона боролся с реальностью до тех пор пока на семьдесят три процента не стал состоять из докторской колбасы

а на остальные из полудокторской к концу действия он совершенно превратился в карбюратор и от его замыслов папахивало яблоками всё же иногда его навещала знакомая сиделка чтобы отбить у него охоту к курению фимиама в запрещённых позах

в мечтах он производил коллективные усекновения и отделял вериги от козней но им постоянно помыкали проходимцы и даже в вечерние часы инкрустированная плесом аутодафница было его излюбленным лепидом

однажды разгульным септембером грозные отцы-основатели семенили и выглядели усталыми

спам заполнял успешно выгравированные шкатулы для японских тамочек а аккуратные тушки грызунов свисали с тёплых гвоздиков которыми была утыкана шахматная доска

счастливые до икоты обитанчики питались хохотом и будили воспоминания негодюя и записывая их с помощью специальной системы водоснабжения однако в наскоро слепленной из эха и воска будке появились первичные признаки шелкографии и тут же исчезли

сменяя друг друга выходили на жирную лоснящуюся сцену для распевки продавцы изошрённой сладкой ваты и изобретатели купальных принадлежностей и всему этому способствовала наглая ухмылка тореадорика забегавшего ежедневно на одну минутку чтобы захватить забытую в духовке складную трость сделанную на заказ из пижонов и цуциков и обладающую рядом необъяснимых с точки зрения полиграфии свойств

пождав немного на улице сэр Уильямсон замёрз и отправился размышлять в поисках входа в метрополитен но без одышки а токи которые источало его тело привлекали внимание трёх красоток которые тоскливо ютились в мусорных баках

и были одна другой прозрачнее

но это было предплечье хотя бантик на левой передней развязался

сам собой чтобы угорь зашипел на сковородке и вся бригада узрела семантическое

смотря вверх элегантные планы развития пригородов благообразили а разумные млекопитаны и учпедгизы распространялись во все стороны машинально столпотворя и уменьшая плотность покрытия но не везде

были варианты содержащие кристаллические соединения представлявшие то как бромистый калий то как плавающий рододендрон из ведра для друзей семирамидный крабик с ограничителем высвечивания зурна тебе зурна

так казалось на первый взгляд чем мы разумеется не стали с чем вы можете нас на этот раз ничтоже сумняшеся поздравить а если нет то это ничего

2013

ЗЛОВЕЩИЙ СМАЙЛИК

Отрывки из романа

.....

Багряные кудри с привкусом дешёвого одеколona и гостиничного мыла деловито гудели за стеной непонимания. Было жарко. Вокруг стояло предчувствие гражданского брака. От нечего делать рождались дети цукатов. Вечерело. Моросило. Несло. Гнало. Потом погнало серьёзно. Стало мести, и мело, мело, мело, – весь вечер мело, потому что в феврале. Внимательный читатель мог заметить, что то и дело на столе появлялась свеча. Она горела, горела, горела, пока не догорала и не превращалась в лужицу расплавленного парафина. В ней плавал черный червяк фитиля и плевался остатками голубоватого пламени. Рядом происходило вообще нечто такое, о существовании чего детям до 16 лет даже догадываться воспрещается. А глубоко под землёй влачил свое жалкое существование маленький зелёный подземный камнегрыз.

.....

– **0!** Нет! – вскричал Ж_Колорадский. – Нет! Нет! Нет!

А в это самое время из печной трубы нечаянно вырвалось, понеслось по белу свету, а также колбаской по Малой Спасской, хотя никто вначале даже не предполагал.

А те, кто предполагали, думали совершенно иначе, и не только про тех, кто даже не предполагал, а вообще про всех остальных, но как-то так, неявно. Или им просто казалось, что они думают, или что они думают иначе – пусть даже не совершенно иначе, а хоть чуточку иначе. Это было трудно объяснить. Это было трудно осознать. Это было трудно выразить в html, это было вообще трудно.

И тогда Входящие стали Ходячими, Отправленные – Отравленными, а смайлики заговорили на человеческом наречии, но очень невнятно и

вполголоса, в сторону или в зал, некоторые даже просились на ручки, делали заметки на полях и притворялись черновиками А. С. Пушкина. Но это не удавалось классифицировать, поэтому никто не оставлял свидетелей.

Вечерело.

.....

Всё ещё вечерело...

.....

Но тщетно. Дорога петляла среди пней, и заиндевелые пташки делали ту-ту-ту, как будто линия занята. Но всё это вполне. И вот внезапно я сам осознал себя Крабовидной Туманностью, и это было так логично, словно. Я проанализировал своё предыдущее посещение и решил не. И тут произошло. Я развлекал присутствующих тем, что предлагал им то зелёное, то зеленоватое. Тем самым я их отвлекал, чтобы остальные успели размежеваться и продегустировать. Краем уха я ощущал, как они дегустируют, и это было прекрасно. Единственное, что смущало, это заиндевелые пташки. Они продолжали делать ту-ту-ту. Они не брали меня в расчет. Им было на меня.

Но тщетно.

.....

Кошмарный кот влез по чёрной доске в благоухающее окошко, увитое розами и канделябрами. Его снесло порывом ветра. Вдоль аллеи проносились газообразные джипы и одеколоны. Крупные хлопья снега заполняли кастрюлю, раскрытую к дождю. Друг детства подошёл к опустевшей юрте и заглянул внутрь, приподняв край шкуры. Его встретило ворчание кошмарного кота, который валялся, как бомж, и курил фимиам. Было тихо. По посыпанной гравием дорожке были разбросаны пустые пластиковые стаканчики с брызгами кофе без сахара. Есть ли свет в конце туннеля, нет ли света в конце туннеля – наука это неизвестно. Наука пока не в курсе. Кошмарный кот шумно почесался, используя заднюю лапу, встал и вышел из юрты. Друг детства пошатнулся и сел, дрожащими пальцами нашарил в кармане пальто отсыревшие семечки и подбросил в воздух.

Вечерело.

.....

- **О!** Нет! – вновь вскричал Ж_Колорадский. – Нет! Нет! Нет!
 - Нет! – ответил ему кошмарный кот, помахивая крыльями.
 - Нет! – отозвалось эхо в ангаре.
 - Нет! – зазвучали струны эоловой арфы.
 - Нет! – скрипнула шкура Марсия.
- И всё такое...

.....

– **Д**обрый вечер, дорогуша, – улыбаясь своей обычной горизонтальной улыбкой, пробормотал Годо. – Как дела? Не правда ли, сегодня прекрасно вечереет.

Секретарша глянула на окно безучастно-повседневным взглядом и несколько секунд понаблюдала, как вечереет.

Действительно, вечерело.

Она открыла папку с бумагами и совершенно бесчувственно положила перед Годо, предумышленно отодвинув в сторону тарелку с блинчиками. Годо вздохнул и стал читать и подписывать.

– Да, – сказала секретарша, когда убедилась, что все документы подписаны. – Действительно, вечереет. И прекрасно вечереет.

– Вчера совсем иначе вечерело, – продолжил Годо, оживившись.

Но секретарша уже прижала папку с подписанными бумагами к животу и повернулась, чтобы уйти. Годо перевел взгляд с секретарши на блинчики.

– А кстати, – вспомнил он, уже протягивая руку к тарелке. – Меня, случайно, никто не ждёт?

Секретарша остановилась в двух шагах от двери.

– Ждут, – ответила она после секундного замешательства, как будто не хотела отвечать на этот вопрос, или как будто ожидала совсем другого вопроса.

– И много?

– Да, народу в приёмной достаточно... С утра ждут. И говорят, говорят... Хотите их принять?

– Нет... – лицо Годо скривилось, как от нежелания принимать ожидающих в приемной. – Давайте отложим...

– Ненадолго? – подсказала секретарша, отступая к двери.

– Ненадолго, – согласился Годо и быстро запихнул в рот блинчик, чтобы больше не отвечать ей.

Секретарша поняла это, как намёк, и вышла в приёмную. Ожидающие Годо умолкли на полуслове и посмотрели на неё. Но когда она покачала головой и медленно села на свое место, снова заговорили, одновременно и не слушая друг друга. Секретарша достала из-за выреза платья морковку и стала её обтачивать пилкой для ногтей. Она давно мечтала вырезать из морковки фигурку юной редиски.

.....

«Ну и что, ну принц я, – продолжил внутренний диалог Гамлет, когда секретарша вышла из кабинета Годо и стало понятно, что им ещё долго ждать Годо. – Ну и что, что принц? А вот сижу тут, жду... Вместе с народом. Я, наверное, народный принц...»

Эта мысль настолько согрела, что Гамлет украдкой вытащил из кармана карандаш и, так, чтобы другие ожидающие не увидели, нацарапал на стене рядом с несгораемым шкафом несколько слов. Потом он извинился, встал и вышел из приемной Годо.

На следующее утро уборщица, матерясь и сплёвывая в своё ведро, остервенело стирала со стены корявую надпись:

«Гамлет тут был или не был»

Несмотря на утро, – вечерело. Или не вечерело...

.....

Внезапно трубный глас.

– О, кто это там? – воскликнул.

– Открывайте же мне скорее же! – отвечал.

– Но кто, кто это там? – вопрошал вновь.

– Шон Пенн, – отвечалось.

– Кто? Какой ещё Шопен? – вопрошал вновь и вновь.

– Да не Шопен, а Шон Пенн! – отвечалось.

.....

Он грыз большие суповые гвозди и разъезжал по городу с видом наглядного пособия, но несмотря на это в рукаве его куртки всегда было припрятана бутылка Советского Шаманского, завёрнутого в пожелтевший номер Некрофилькиной грамоты.

Приятно удивлённый, он шёл по улице мимо переулков, подъездов и водосточных труб. Накрапывало. Но уже не вечерело.

Над городом разносилась заунывная песнь мастера Йоды, бабочки

порхали в шахтах лифта, издавая характерные звуки и твёрдые знаки.
– Фонетика... – пробормотал он и вздохнул. Потом вздохнул ещё раз.
Потом ещё раз.
Потом ещё раз.
Потом ещё раз...

.....

К.Ф. нащупал в кармане билет и опять, в который раз за последний час, поднёс его к глазам. Скоро должно было начаться! Он вошёл в гудящий и весь наполненный дыханием и нетерпением зал, нашёл свое место, согнал с него безбилетного фаната и уселся, присоединяя свое дыхание и нетерпение к общему, ощущая себя частью этого разряженного и источающего ароматы духов улья. Сцена осветилась ярким лучом. Зал в мгновение ока затих, устремляя взоры на ослепительное пятно света, в котором сейчас появится Он. Поэт вышел через несколько секунд – но они показались публике вечностью. К.Ф. они тоже показались вечностью. Глубоко вздохнув, поэт устремил в зал свой горящий взор и начал без предупреждения.
С тех пор жили они долго и счастливо, и так каждый день.

2011

НОГИ СЕБАСТЬЯНА (фильм про всё, кроме любви)

1. Громко поют птицы, день.

Крупным планом – поляна. Наш взгляд скользит по ней – земля выложена шестерёнками, гаечными ключами, всевозможными Детальями Механизмов. Они вдавлены в почву, над поблёскивающими железяками колышутся ветром травы и цветы. Наш взгляд плавно поднимается над поляной и устремляется вдаль – там виден город, много зданий и труб, ни одна из которых не дымит.

2. В центре экрана появляется затем маленькая одинокая фигура. Внизу экрана, как субтитры – текст:

ЭТО СЕБАСТЬЯН. ЕМУ СЕЙЧАС НЕ ДО ВАС

Себастьян передвигается по поляне, мы видим его со спины, издали, в течение минуты-другой. Затем приближаемся, смотрим сбоку – профиль Себастьяна, падающие на лицо волосы, заметно, что Себастьян сутулится, идет медленно и вообще, не в лучшей форме. Одет небрежно, под глазом синяк, на подбородке ссадина, маечка порвана, оттуда сквозит бледная кожа спины.

СЕБАСТЬЯН: (бормочет) Эх, слова, слова, слова... Вот послание человечеству, выложенное кусками железа. Когда-то, дня два назад, наверное, была машина. Теперь она разложена на свои молекулы – гайки, болты, кривошипы, подшипники... Что здесь написано – кто знает! Ну, настоящая пустыня Наска, с вертолета – это да, а пешком не прочитать. Отчего люди не летают? От гравитации.

ГОЛОС: На нижние рычаги подвески опирается пружина девять,

передающая нагрузку от массы автомобиля через рычаги на стойку пять и далее через закреплённый в ней шкворень шесть на поворотную цапфу семь.

СЕБАСТЬЯН: Почему?

ГОЛОС: Потому что я знаю, что тут написано. Я поднялся над поляной и всё-всё увидел.

СЕБАСТЬЯН: Тут какое-то послание, но не мне. Значит, не мне. А как ты поднялся над поляной?

ГОЛОС: Я – Джим Моррисон, мне можно. То есть, я всё могу.

СЕБАСТЬЯН: Хороший ирухаин мне попался – первый же встречный оказался самым любимым из всех, кого я знаю.

ГОЛОС: Да, Себастьян-джан, хороший ирухаин тебе попался. Не подвядшую зелень вручили тебе в Зубодробильне.

СЕБАСТЬЯН: И ты тоже хороший, Джим...

ГОЛОС: Спасибо... Хочешь, прочитаю тебе, что тут выложено шестеренками?

СЕБАСТЬЯН: Послание – не мне. Послание – человечеству.

ГОЛОС: Ну, тогда я полетел.

СЕБАСТЬЯН: Лети, Джим, лети. Так приятно было с тобой поговорить.

ГОЛОС: И мне... Ну, пока. Будь осторожен, Себастьян-джан, смотри под ноги. Под свои прекрасные ноги совершенной формы. Не потеряй чувства собственного достоинства, когда дойдешь до цели.

3. Мы видим Себастьяна уже не сбоку, а сверху.

Он стоит. Мы кружимся над ним вокруг своей оси, поднимаясь все выше, – как будто отлетаем от него прямо в небо. Себастьян смотрит вверх и медленно поднимает руку, как бы помахать, но застывает с полуподнятой рукой. Потом опускает её и вздыхает, склонив голову. Мы снова подлетаем к лицу Себастьяна, он смотрит прямо на нас и говорит.

СЕБАСТЬЯН: Знать бы, куда иду. Может быть, вспомню, когда улетучится ирухаиновое остекление. Но тогда мне будет очень, очень, очень плохо и все мысли – только о том, где достать свежей зелени, ещё этой славной-вкусной-свежей-зелёной травки.

4. Себастьян начинает идти, мы видим его фигуру спереди, он постепенно приближается, кадры едва заметно замедляются. Лицо идущего Себастьяна заполняет экран и остается на таком расстоянии от нас всё время, пока он идёт. От этого лицо двигается, скользит по экрану, то щека, то подбородок выскакивают за рамки, а глаза видны всё время. Себастьян смотрит без всякого выражения, без мыслей и эмоций – он занят другим делом – он идёт.

Следующий голос в контакт с Себастьяном не вступает. Он звучит за кадром, а на экране по лицу Себастьяна проплывает компьютерная строчка. Девушка за кадром читает с выражением и упорством, будто отвечает урок, иногда ошибаясь, исправляется, делает паузы не к месту, так, словно не может разобрать написанное, шуршит бумагой, иногда повторяет слова и концы фраз, чтобы продолжить чтение. Себастьяна всё это не касается. Он идёт, не реагируя на голос. Параллельно с голосом за кадром мы слышим всё тех же птиц и дыхание Себастьяна.

ГОЛОС ДЕВУШКИ: Себастьян идет по траве. Вокруг – холмы, город далеко. Вряд ли он помнит, кто дал ему свежего ирухаина, но это неважно. Себастьян смутно соображает, что идти надо по следам железа. Он совсем один, но в черепе у него творится много такого,

чем не хотелось бы ни с кем делиться. Всё, что он ощущает сейчас – принадлежит только ему. Он вспоминает про... Свежий, свежий... Если бы здесь были люди, Себастьян бы их всех ненавидел. Нет, просто презирал – они ведь не знают, что остекление наступает не сразу. Они даже не догадываются, что можно остеклеть по собственному плану. Себастьян чувствует, что на этот раз ему удалось застеклеть особенно глубоко. Себастьян понимает, что ускоряется. Сердце стучит всё сильнее, к голове приливает горячее, высокое, сильное. Сильным становится сам Себастьян. Он смеётся оттого, что видит среди травы круглую металлическую деталь. Забавно – ведь ускоряется не только он, но и все вокруг. Если смотреть на мир со стороны Себастьяна, то в мире всё дёргается и становится быстрее. Но если смотреть на Себастьяна его же глазами, то и он становится быстрее. Только по отношению к самому себе. А по отношению к миру он замедлен. Как будто мир и Себастьян двигаются с разными скоростями, и шестерёнки, и такие маленькие детальки, они проскальзывают, или как будто мир и Себастьян вращаются в разных направлениях и в разных плоскостях. Или как будто Себастьян – внутри столба смерча, где каждая часть закручивается по собственным законам. Себастьян не пытается поймать обрывки мыслей, появляющихся в голове как в сумасшедшем клипе, как в пятнадцати клипах одновременно. Они все кажутся такими сумасшедшими и важными – и Себастьян с легкостью и великодушием отказывается их запоминать, оставляет их свободными, пусть летят, как Джим. Они – только они – преодолеют прозрачные стены кокона вокруг Себастьяна, он идёт в хрустальной сфере, невесомой и нерушимой, с разными скоростями, пересекая границы и прожилки реального мира.... В мочке уха у Себастьяна – странная и до ужаса забавная серьга. Ее запретили выбрасывать. Кто запретил? Не помнит Себастьян. Ему надо набрести на стойбище железяк и поговорить с ними, или просто поклоняться рядом. О том, что Себастьян должен сделать, ему говорил совсем недавно тот, кого Себастьян не запомнил больше, чем остальных. Он говорил, говорил... Он дал ему серьгу – и Себастьян помнит, что он не помнит этого. Он так ясно помнит то, что забыл... Кажется, надо подарить серёжку кому-то из железяк. Наверное, самому главному их Механизму. Себастьян идет по миру, и то, что вы сейчас слышите, не совсем его

мысли и чувства. Вокруг Себастьяна мир переключает свои скорости, с благодарностью и ненавистью поглощая отрывки неначатых размышлений, которые Себастьян со свойственной ему в этот момент щедростью оставляет за спиной. И вот снова появляется мысль, и Себастьян успевает прочувствовать её, пока она отлетает прочь, и произносит про себя пятью разными голосами одновременно: «А действительно, у меня очень красивые ноги». И вот, красивые ноги привели Себастьяна к парку, разбитому среди холмов без всякой видимой на то причины.

5. Голос умолкает. Мы видим увитую зеленью беседку, где сидят двое. Себастьян подкрадывается, прячется в листве и подслушивает. Мы видим его со спины, беседка – чуть дальше. На фоне лютневой музыки эпохи Возрождения идет диалог.

ДОН ХУАН: И все-таки я никогда не смогу поверить, что из десяти яичных белков может получиться приличный бисквит.

ДОННА МАРИЯ: Все дело в том, как взбивать. Вот взгляните (протягивает книгу о вкусной и здоровой пище, раскрытую на яркой иллюстрации с какими-то коржиками на тарелке). Здесь нигде не сказано, как взбивать. А самое главное – как взбивать.

ДОН ХУАН: Все ясно – «гутта кават лапидем...»

ДОННА МАРИЯ: Да-да, не силой, а частотой падения. Не в силае дело! Взбивая белки, нужно отказаться от миксеров. Только вручную – и стараться не сбиться с взятого ритма.

ДОН ХУАН: Вот откуда у вас, донна Мария, такие бицепсы!..

Себастьян тихонько выбирается из зелени и исчезает, уходя из парка. Мы некоторое время видим Хуана и Марию, но уже не слышим ни музыку, ни их голосов. Экран постепенно темнеет... Полное затемнение.

6. Музыка - слышны гитара, бонги, гармошка. Мы видим слегка издали, как Себастьян спускается по склону холма к речке, в которой устроена запруда из камней и веток. Стоит у воды и смотрит. Потом мы видим только его лицо, и Себастьян незаметно улыбается, начинает раздеваться, об этом мы догадываемся не сразу. Он весь, целиком, появляется на экране уже раздетым, входит в воду по пояс. Мы видим его как с другого берега. Долго стоит в воде, лаская поверхность реки ладонями, как крыльями. Потом садится в воде. Плавает по запруде. Вылезает и сохнет, стоя на камне, уперев руки в бока и щурясь на солнце. Не бойтесь, мы его видим со спины. Музыка затихает и прекращается.

В верхнем уголке экрана появляется Пират Антонн. Он выглядывает из кабины грузовика, глаз закрыт черной повязкой. Нетерпеливо жмёт на сигнал, потом обнимает руль и изрекает цитату. (На дверце кабины – надпись со стрелкой «Пират Антонн»).

ПИРАТ АНТОНН: Метод случайного поиска, называемый также методом Монте-Карло, основан на том, что при одном и том же числе испытаний вероятность получения решения, близкого к оптимальному, при случайном поиске больше, чем при последовательном переборе через равные интервалы изменения отдельных параметров.

7. Себастьян, одетый, идёт по шоссе. Вечер. Загораются фонари вдоль дороги. Машин нет, и очень тихо. Себастьяна мы видим, как будто крадёмся сзади, на расстоянии вытянутой бельевой верёвки. Себастьяна как бы освещает невидимый сильный прожектор. Мы смотрим на Себастьяна так, как будто мы любим его, но слегка побаиваемся.

Засунув руки в карманы брюк, он идёт всё медленнее, наконец, совсем останавливается и смотрит вбок. Сворачивает с шоссе и подходит к заброшенному зданию, похожему на музыкальную школу. Изнутри доносятся звуки именно как из музыкальной школы – гаммы,

обрывки пьес и упражнений, звуки фортепиано, кларнета, скрипки. Вокал... Но едва Себастьян берётся за дверь и открывает её, всё смолкает. Себастьян делает шаг в темноту, пружина захлопывает дверь за его спиной. Себастьян видит далёкий огонек, плывущий по воздуху.

8. Лицо Себастьяна – крупно. Себастьян испуган. В его глазах – в каждом зрачке – приплясывает по огоньку. Но вот мы видим, что это сторож несёт свечку – худой старик с прямыми белоснежными волосами. Старик – лицо Себастьяна – старик – лицо Себастьяна. Уф, хватит...

Старик подходит к Себастьяну вплотную и, не глядя на него, не разжимая губ, говорит.

СТАРИК: Вам нужна комната, чтобы переночевать. Я покажу, где это. Идите за мной. Если захочется поговорить с кем-то, лучше говорите сами с собой. А меня зовут Ференц. Я сторожу этот Дом культуры всю свою жизнь.

9. Старик со свечой поднимается по широкой лестнице. Себастьяна мы не видим, но понятно, что он тоже идёт вверх, так как мы теперь видим его глазами (но это продолжается только на лестнице).

10. Зрительный зал, освещённый рядами факелов на стенах. Мы смотрим на старика Ференца и на Себастьяна, идущих к сцене по проходу между креслами. Наши глаза на уровне подлокотников, мы двигаемся параллельно с Себастьяном, тот идёт на расстоянии двух шагов за Ференцем.

11. На сцене – ударная установка.

12. Себастьян смотрит на сцену, потом оглядывается по сторонам – старик куда-то исчез. Себастьян залезает на сцену и трогает звонкую кожу барабанов, выбивая пальцами неуверенную дробь. Из-за кулис выходит человек в маске, из-под которой видны прямые белые волосы. В руках у него (крупным планом) – барабанные палочки.

СЕБАСТЬЯН: (приседая за барабаны, испуганно выглядывает и на четвереньках уползает) Я тут ничего... Я даже... Я просто...

МАСКА: Ты посмел потревожить покой Призрака Дома Культуры. Ты заплатишься.

СЕБАСТЬЯН: Хотелось бы... наоборот. Потому что...

МАСКА: Заклинаю тебя именем Эндрю Ллойда Уэббера, прочь с моего пути. Заклинаю! И буду заклинать тебя до тех пор, пока ты не потеряешь остатки своего сознания.

СЕБАСТЬЯН: (сползая с края сцены и садясь в кресло первого ряда) Я помню, что последнюю веточку ирухаина мне подарили в Зубодробильне. Какой хрупкой и смертной была она в сильных пальцах того, кого я не помню больше всех остальных...

Маска садится за установку и начинает играть – не ритм, а импровизации минут на десять, оглушающие и виртуозные.

Себастьяна уже не слышно, хотя он продолжает что-то говорить.

Мы видим то Маску, то Себастьяна, секунд по пятнадцать-двадцать.

Маска стучит, Себастьян говорит беззвучно. Потом останавливаемся на Себастьяне – потому что рядом с ним садится девушка. Себастьян поворачивает голову и узнает её. Они смотрят друг на друга. Внизу экрана появляется надпись:

НИКА БЫЛА ДЕВИЦЕЙ ВСЯЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ, НО
РЕАЛИЗОВЫВАЛА ИХ ВЕСЬМА ОДНООБРАЗНО

Себастьян тянется к Нике. Она улыбается и позволяет себя поцеловать. Под грохот ударных Себастьян и Ника целуются, потом девушка

припадает к его шее губами, а когда поднимает лицо, по подбородку стекает струйка крови. Грохот мгновенно стихает.

СЕБАСТЬЯН: Теперь я в плену у твоего укуса.

НИКА: Просто лопнула губа, так часто бывает с девицами всяческих способностей.

СЕБАСТЬЯН: Я буду жить только по ночам, а днем прятаться в шкафу. Ты заметила, что уже утро?

НИКА: Губа лопнула, и больше ничего...

СЕБАСТЬЯН: Ты уверена, что солнечный свет тебе не повредит?

НИКА: Губа... Поэтому потекла кровь. О, бедный Себастьян, бедный. Тебе никогда не хочется плакать. Ты такой ненастоящий.

СЕБАСТЬЯН: Я бы хотел, чтобы ты, как прежде, пустила меня посидеть на пороге. Я бы...

Маска подходит к ним, размахивая барабанными палочками.

МАСКА: Вы уверены, что солнечный свет не испепелит вас, как котят?

СЕБАСТЬЯН: Почему как котят?

МАСКА: Заклинаю вас именами Ринго Старра и Джона Бонэма, свидание окончено. Все, катись отсюда, незнакомец.

Маска и Ника исчезают. Себастьян оглядывается, не вставая с кресла. Факелы потухли и дымят, в окна льёт солнечный свет. Он смотрит на сцену и видит большие зелёные буквы, горящие в воздухе над барабанами:

Буквы тают без следа. Себастьян закрывает глаза, мы видим только его лицо. По лицу скользят тени, как будто вокруг пляшут прожекторы всевозможных оттенков, освещая его лицо с разных точек. За кадром звучит песня.

ПЕСНЯ НОМЕР ОДИН

Смертельное вино меня ждёт в кувшине.
Я снова чувствую себя машиной.
Как забавно двигаются мои пальцы...
Золотые вороны, чёрные зайцы.

Разноцветное лицо Себастьяна, с разноцветными тенями, с закрытыми глазами. Стоп-кадр.

13. Из звуков – только ветер.

Себастьян сидит на крыше микроавтобуса без стёкол и колёс, смотрит на железную конструкцию, это бывшая парашютная вышка. Где-то видны остатки «чёртова колеса», качелей. Всё поскрипывает от ветра, покачивается.

Себастьян принюхивается, чуть раздувая ноздри. Его лицо напряжено. Он видит самого себя, карабкающегося на парашютную вышку по железной лестнице. Себастьян, влезая на вышку, не может открыть глаз от ветра и лезет фактически на ощупь, медленно. На мгновение он открывает глаза и смотрит вниз, видит другого Себастьяна, сидящего на крыше автобуса и смотрящего на него. Потом продолжает лезть.

14. Себастьян спит в микроавтобусе, на двух кожаных сиденьях, сложенных вместе на полу. Он лежит на спине, раскинув руки и ноги, как в танце.

Звук ветра и скрип качелей постепенно вытесняется стуком печатной машинки. За кадром слышны два голоса.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Не верю я в ваш метод случайного поиска. Когда мы ищем преступников, нужно действовать по чёткому плану. Разведать местность, установить посты, начать облаву...

ВТОРОЙ ГОЛОС: Вы, полицейские, всегда готовы наломать дров.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Просто я люблю точность. Вот сейчас заберётся он в непролазную глухомань, и как мы тогда запеленгуем его сережку?

ВТОРОЙ ГОЛОС: Если даже он прошагает вокруг всей планеты, мы его не потеряем.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Но железяки его сразу засекут, как всех тех парней, в прошлые разы... И жучок ваш заглохнет...

ВТОРОЙ ГОЛОС: На этот раз всё по-другому. Если мы хотя бы на долю секунды зацепим их лучом, то уже не потеряем сигнал, даже если они уничтожат эту серёжку. Понимаете?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: А пока он на них не набрёл, сколько ещё автомобилей честных граждан окажутся разобранными на части?

ВТОРОЙ ГОЛОС: Хочу вам напомнить, что я был против того, чтобы давать этому Себастьяну ирухаин. То есть надо было пообещать, что он получит его потом. А вы сразу сунули ему эту веточку... Это внесло новые переменные в ситуацию. Но я ещё не знаю, ускорит это поиск «механизмов» или наоборот. Потом подсчитаем..

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Вы в этом деле теоретик, а я знаю, как на самом деле надо разговаривать с этими подонками, чей мозг источен ирухаином.

ВТОРОЙ ГОЛОС: Неужели? И даже знаете, как поговорить по душам с «железякой»?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Так же, как со всеми остальными. И нечего тут

разводить легенды. «Ремонтеры», «механизмы», «железяки», «механики» – как бы их ни называли, они всё равно обыкновенные преступники.

Машинка смолкает. На экране, в уголке, появляется пират Антонн. Он сидит в ванне, весь в мыле, но в повязке на глазу. Берет бумажку и читает чуть ли не по слогам (после первого же предложения, произнесенного Антонном, его слова иллюстрирует мультик про железяк).

Себастьян продолжает спать.

ПИРАТ АНТОНН: «Железяками» железяк называют беспорядочные честные граждане, понятия не имеющие, кто такие железяки. Собственно, железяк называют по-всякому. А сами себя железяки на называют никак, даже железяками не называют. Разъезжают на велосипедах, на роликовых досках. И по дороге всей командой разбирают на детали всё, что работает на бензине, а именно, автобусы, мотоциклы, легковые и грузовые автомобили, бензопилы и примусы законопослушных граждан. И выкладывают деталями красивые узоры на холмах и равнинах вокруг городов. Или же выкладывают послания внеземным цивилизациям. Или стихи. Или доказательства различных теорем. Когда полицейские, – или «дантисты», как их ласково называют не очень законопослушные граждане, – подсылают к железякам шпиона с жучком, его сразу же вычисляют. Как, никто не знает. Предполагается, что башковитые железяки сконструировали оригинальный «уловитель» действующих жучков. Шпион возвращается домой без жучка, с синяками, но живой. Собственно, в здравом уме никто к железякам не сунется, если его до того не обработали «дантисты» в «Зубодробильне». А Себастьян как раз попался «дантистам» в ирухаиновом остеклении, когда не то дрался не помнит с кем и почему, не то просто лез на стенку. И теперь он был послан на поиски железяк, чтобы проверить в действии новый, разработанный учеными жучок, и если он их найдёт, то надо Себастьяну посочувствовать, потому что железяки обязательно его поколотят, как колотили всех предыдущих шпионов.

15. Себастьян проснулся и сел. По экрану летают мультяшные бабочки и крысы со стрекозиными крыльями. Антонн комкает бумажку, выбрасывает её и исчезает.

16. Себастьян катается на ржавых качелях, на лице его написано удовольствие. Мы видим его спереди. Себастьян смотрит на небо и тревожно принохивается. Качели останавливаются. Себастьян сидит, подняв лицо к небу. В небе он видит стаю птиц, выстроившихся в буквы, так что можно легко прочитать слово «ИРУХАИН».

17. На белом фоне большими зелёными буквами возникает надпись:

ЧИСЛО СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ МЕХАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
НАЗЫВАЕТСЯ ЧИСЛО НЕЗАВИСИМЫХ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ
СИСТЕМЫ

Мы видим, как к Себастьяну подходит другой Себастьян. Они стоят молча и смотрят друг на друга, потом оба тают.

18. Себастьян идёт по дороге, по обе стороны которой тянутся бетонные заборы. Мы видим его, как если бы забежали чуть вперед и шли по противоположной стороне. Впереди появляются какие-то фигурки.

На полной скорости велосипедисты проскакивают один за другим мимо Себастьяна, уезжая туда, откуда он шёл. Себастьян их как будто не замечает, даже не оборачивается. Идёт, глядя себе под ноги и размахивая руками.

Держась за руки, гонят на роликах пары мальчишек и девчонок в ветровых очках. Затем несколько человек на роликовых досках. Все они проезжают мимо Себастьяна вслед за велосипедистами. Смуглый парень на доске замедляет скорость, делает круг и тормозит возле Себастьяна. Тот тоже останавливается. На белой майке смуглого

выведено: «Привет, я Вольфганг». Парень указывает на маечку, соскакивает на асфальт и берёт доску под мышку. Протягивает Себастьяну мелок. Себастьян выводит своё имя на асфальте и рисует веточку ирухаина. Парень понимающе кивает, когда присевший на корточки Себастьян поднимает голову и смотрит на него. Потом парень тоже приседает на корточки, берет из испачканных пальцев Себастьяна мелок и приписывает под именем Себастьяна несколько слов. После быстро вскакивает на доску и догоняет своих. Себастьян вежливо ждёт, когда Вольфганга исчезнет из виду, и тогда читает:

ЗАЧЕМ ТЫ ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ, СЕБАСТЬЯН?
ЛУЧШЕ БЫ ТЕБЕ НА СВЕТ НЕ ПОЯВЛЯТЬСЯ.

Себастьян выпрямляется, смотрит на нас. Мы видим его по пояс. Он огорчён, потрясен, подавлен, в глазах блестят слёзы. На экране возникает надпись:

ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩИХ СВОЙСТВ МЕХАНИЗМОВ НЕОБХОДИМО
ВЫДЕЛЯТЬ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ
МЕХАНИЗМОВ, ОТВЛЕКАЯСЬ ОТ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ, ПРИСУЩИХ
КОНКРЕТНОМУ МЕХАНИЗМУ.

Себастьян поворачивается к нам спиной и идёт по дороге. За кадром слышны голоса.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Ну вот, мы их и засекли!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Как хорошо, теперь мы точно знаем, куда они двигаются, сколько человек в банде, сколько велосипедов, сколько роликовых досок...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Какую прекрасную облаву мы устроим!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Какие интересные эксперименты на них поставим!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Как хорошо!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Как здорово всё вышло!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Я просто прыгать готов от счастья!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Мы их скрестим с нормальными.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Мы им отобьём печёнки!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Мы им подложим в вольер автомобиль и заснимем на видеопленку, как они его разбирают.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Мы пропустим через них ток.

ВТОРОЙ ГОЛОС: Ах, как хорошо!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Ах, как славно! Мы устроим над ними показательный суд!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Пометим женские особи белой краской, а мужские...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: ...и по сорок лет исправительных работ...

ВТОРОЙ ГОЛОС: ...Нобелевская премия!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: ...Повышение! Майор, полковник, начальник полиции... карьера обеспечена!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Весь мир... Эксперименты...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Исправительные работы...

ВТОРОЙ ГОЛОС: Опыты, опыты...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: пытки, допросы... Как я всё это люблю. Ах, как хорошо.

ВТОРОЙ ГОЛОС: Как всё славно складывается!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Давайте я вас расцелую!

ВТОРОЙ ГОЛОС: Нет уж, давайте я – вас!

Оба смеются, громкие звуки поцелуев. Оба поют какую-то песенку:
“Ля-ля, ля-ля...”

19. Себастьян за это время ушёл так далеко, что его почти не видно (мы были неподвижны). И вот камера рывками приближает его к нам, и мы замечаем, что Себастьян остановился.

Он оборачивается, мы видим его уже по пояс. Он снимает серьгу-жучок и выбрасывает её за забор.

СЕБАСТЬЯН: (обиженно) Не пойду я ни к каким железякам. Они мне по морде надают. А ирухаин я сам как-нибудь попытаюсь достать. Сопру где-нибудь... (Немного помолчав, снова говорит, уже другим тоном). Послушайте, как поёт ветер. Он принес запах свежей зелени. Я это чувствую всем сердцем. Я иду туда, и вам за мной не угнаться.

Себастьян сходит с дороги, перелезает за бетонный забор, и мы его больше не видим. На фоне забора возникает надпись:

ХРУПКОЕ РАЗРУШЕНИЕ НАБЛЮДАЕТСЯ НА ДЕТАЛЯХ,
ПОДВЕРЖЕННЫХ УДАРНЫМ НАГРУЗКАМ.

Но камера всё-таки поднимается над забором – и мы видим экран, поделённый на землю и небо. Светлая половина вверху – небо, тёмная внизу – склон холма. Себастьян как раз поднимается вверх и исчезает за холмом. Тогда чей-то голос за кадром произносит: «Это Себастьян, ему сейчас не до вас».

И начинается песня номер два.

ПЕСНЯ НОМЕР ДВА

Поддавшись нечаянно сорванным чарам,
Сорвём себе душу сиреневым чаем.
Плыви, мой друг, плыви,
Лови свой кайф, лови.

Но не по плечу нам доплыть и вернуться.
Мы больше не чуем за дымкою сушу.
Зелёный звон травы
Плывёт из головы.

Прокравшись по-лисьи сквозь листья и тайны,
Так сложно проснуться в безветрии чаинном.
Зелёный звон травы
Течёт из головы.
Плыви, мой друг, плыви,
Лови свой кайф, лови.

Во время Песни номер два по экрану идут обычные титры (которые никто обычно не успевает прочитать).

к о н е ц ф и л ь м а

1997

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

1993

БЛУЖДАЮЩИЙ СОНЕТ	5
СОННАЯ*	5
На мелодию Л. Квиркелия	6
ГОРОД МОЙ*	6
«Нарушено молчание...»	7
«Прелести горной старухи...»	7
АРБАЛЕТ*	8
«Достошно завершаю...»	8
«В зарослях прокрустовой капусты...»	9
НАВЕРНОЕ*	9
МУЗА*	9
ВУГЛУСКР	10
ЖЕНА*	10
ЭКЗЕРСИС*	11
ЛУНКА/ПИСЬМО*	12
НАКЛОН*	12
ВРЕМЕНА ЛЕТ*	13
Лене Квиркелия и Диме Гагуа	13
ВЕТРЕВО*	14
«А сегодня пошли поезда...»	14
ОНГЛ-2*	15
КРАСНАЯ ЛУНА*	16
ИРИСОВЫЙ И ЗОЛОТОЙ*	16
НЕ ЗАМЕЧУ*	17
ЖЕСТЬ*	17
СОВЕТ*	18
ЧТОБЫ КТО-ТО*	19

1994

«Суп с котом...»	21
СПАСИБО *	21
РЕШЕТО *	22
СИНЕЕ УТРО*	23
ЖОНГЛЕРЫ*	23

СОК КРЫЛЬЕВ	27
ДОМЕННЫЕ ПТИЦЫ*	27
СТЕКЛО*	28
ГИТАРА*	28
ОБОРОТ*	29

1995

МОРЕ ХОЛОДА	31
ДИРИЖАБЛИ*	31
«Я выпила сон...»	32
БЕСПОКОЙСТВО*	32
ДВОЕ И ТРОЕ*	34
БОЛОТНЫЙ ОГОНЁК*	34
ХАРЕ, ХАРРИСОН*	36
ПЕСНЯ ДЛЯ БАШЛАЧЕВА*	37
ЗООПАРК*	38
СЕАНС*	38

1996

ТУПИК*	41

1997

АТРОФИЯ*	43
ОРЕХ*	43
ИНСЕКТИЦИД*	44
ОЛОФЕРН*	44
ГУАШЬ*	45
ВЕРОНИКА*	46

1998

МЬСЬЕ КОНТОРЕР*	47
СОН ДЖА*	48
ЛАБИРИНТ*	48
АБУЛИЯ	49

РУКИ ПРОЧЬ	49
«Зачаточный пульс...»	50
ДОМ В ТЕНИ ОДУВАНЧИКА*	51
РЫБЬЯ НОЧЬ В ТРАНСФОРМАТОРНОЙ ДЫРЕ	51
А КАК МЫ ВЧЕРА*	52

2001

ТРЕУГОЛКА – И ЕЁ ГОЛУБАЯ ТЕНЬ*	53
БЕЛАЯ БУКВА*	53
«Всё, сознание мое расширяется...»	54
САНИТАРЫ	54

2002

ЧЕГО ЖЕ ТЕБЕ ЕЩЁ*	57
УЛИСС*	57

2004

УХОДИ! – И УХОДИТ	59
«Я изучаю тебя. Ты – каратэ...»	60

2005

КОГДА ЖЕ СНОВА НОЧЬ!*	61
«С магнитной ленты льется тихий Сплин...»	62

2006

«Это пьяный троллейбус...»	63
«Не до стихов...»	63
«Ведь мы с тобой могли произнести...»	63
САД	64
ЯНВАРЬ	64
ПИАНИНО*	65
«Самый налаженный метод...»	66

2007

ХОККУ	69
ПЕРЕКЛИЧКА	69
«Пьяный драмер...»	70
«Роба микроба тонка...»	70

2010

ОДА ТРОЛЛЕЙБУСУ	71
«Двадцать лет спустя...»	73
«На два замка...»	73
«История города...»	73
КНИГА	74
«а шапочку...»	74
Эксперименты на тему: «Нарцисс»	75
«Если вдруг взять и совместить...»	76
КВАРТИРНИК	76
ВЕСЕННЕЕ	77
ОСЕННЕЕ	78
ПРО ОБУВЬ, ПРО ЛЮБОВЬ...	78
Стихи на маленьких бумажках	80
РУСАЛКА	82
МОЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПЯЛИТСЯ В СТЕНУ	82
«обрывки афиш на стенах...»	83
КНИЖКА	84
Пушкинское (бюстовское)	84
Отрывки из тбилисских набросков	86
ПОКИДАЮ НИРВАНУ	89
РОК-КЛУБ	90
«Левый полузащитник...»	90
ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ*	91
РАННЕЙ ВЕСНОЙ ЗАДУМАЛАСЬ...	91
«Когда я вырасту...»	92
«Уж сколько раз...»	92
РУССКОЯЗЫЧЕСТВО	92
РЫБА	93
ХОТ-ДОГ	94
«Мой-до-дыр...»	94
«Два сапога пара-...»	94
«Этим летом...»	94

2011

ВМЕСТО РОМАНА	95
НЕЖНЫЙ ЧЕРВЬ СОМНЕНИЯ	96
ДВАЖДЫ	97
«Я летела над крышами...»	99
«полупрозрачный рекламный слой...»	99
20 ЛЕТ НАЗАД	100
О ПИВЕ И АВТОБУСАХ	101

2012

«она смеялась и курила...»	103
«Прекрасносияющая...»	104
«Мал амбидекстер верен стенофаг...»	104
«Ангелу, не прошедшему фейсконтроль...»	104
«блинчики с мясом - это личинки...»	105
«лелея зеркальце-мечту...»	105
СИАБАНД-ХАРАКИРИ	106

2013

ЭГОТОМИЯ	109

2014

«Упражнения ...»	117
СОНЕТ НЕВЛЮБЛЁННЫХ	117
УКРОЩАЮЩИЙ СОНЕТ	118
«сползает по коре отравленная дичь...»	118
«Тварь ли я дрожащая...»	119
СОНЕТ НЕ СПЯЩИХ ДО УТРА	119
СОНЕТ-ПОСЫЛКА	120

ИЛЬЯЗДОВСКИЙ ВЕНОК СОНЕТОВ	121

РАССКАЗЫ И ДР.

МОЛЬ	133
МЯУКАЛО	134
СМЕРТЬ САДОВНИКА	135
ЗАРАЗИТЕЛЬНОЕ СПОКОЙСТВИЕ	136
БОБ ДИЛАН ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ	137
2012, ИЛИ НЕСУРАЗНОСТЬ ПОТЕНЦИАЛОВ	138
НАПИТОК	139
ЗВЕРСКИ**	140
КЛОН АПЕЛЬСИНА**	141
ОТВЕДИТЕ НАЗАД ПЛЕЧИ**	142
УЛЫБ**	144
ПРОИСШЕСТВИЕ НА**	145
ДЕВЯТЬ ДРУГИХ	146
НАДО БУДЕТ	147
ЮМДЛЬКОУЭЙЕЦ	148
В ВИДУ СЕБЯ	149
ЗЛОВЕЩИЙ СМАЙЛИК (отрывки из романа)	151
НОГИ СЕБАСТЬЯНА (фильм про всё, кроме любви)	157

